

ВИТАЛИЙ
АВЕРЬЯНОВ

**СТРАТЕГИЯ
РУССКОЙ ДОКТРИНЫ**

ЧЕРЕЗ ДИКТАТУРУ К ГОСУДАРСТВУ ПРАВДЫ

С Л У Ж И Т Ь Р О С С И И

Служить России

Виталий Аверьянов

**Стратегия Русской
доктрины. Через диктатуру
к государству правды**

«Книжный мир»

2014

Аверьянов В. В.

Стратегия Русской доктрины. Через диктатуру к
государству правды / В. В. Аверьянов — «Книжный мир»,
2014 — (Служить России)

ISBN 978-5-8041-0721-6

Россия явила в истории опыт правильной, жизнеспособной империи. Западный секулярный проект с его мнимыми толерантностью и гуманностью по отношению к «иным», навязывает окружающему миру совершенно ненужные ему представления, модели поведения, установки, порою не просто чуждые, а прямо кощунственные и безобразные с традиционной точки зрения. Запад не способен осуществлять свою экспансию без подрыва традиции и традиционных ценностей других культур. Россия должна не «угодить» всему миру, не подладиться под сложившуюся мировую ситуацию, но использовать ее для воссоздания гармоничного порядка, для отвоевывания культурного и жизненного времени и пространства для нашей Традиции-Цивилизации. Мы не считаем, что в прошлом России существовал некий «золотой век», который заслуживает слепого поклонения и к которому необходимо вернуться. Скорее мы пытаемся реконструировать Россию такой, какой она могла бы быть, если бы ей не помешали разворачивать ее национально-государственную традицию. Иными словами, мы стараемся в русской истории увидеть те нити, которые связывают ее вопреки всем переломам, вопреки смутным временам и революциям, и эти нити протянуть в сегодняшний день. Напор жизненных сил нашего народа в начале XX века был огромен, и тогда вождь и государство могли использовать этот демографический, волевой, антропологический подъем русского мира. Сегодня мы видим упадок русского мира. В нашу эпоху методы должны быть филигранными, а лидер должен быть виртуозом, чтобы решать подобные задачи с наименьшими

затратами. Автор и издатель благодарят действующий при Изборском клубе аналитический центр «КОПЬЕ ПЕРЕСВЕТА» за поддержку при осуществлении данного издания.

ISBN 978-5-8041-0721-6

© Аверьянов В. В., 2014

© Книжный мир, 2014

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	24
Третий полюс[7]	24
От Думы к Собору[8]	31
О неизбежности репрессий[10]	40
Консерватизм в отдельно взятой стране[11]	47
Парадокс консервативной динамики	52
Аристократическое начало как принцип[16]	57
Ценностные ориентиры динамического консерватизма[17]	59
Сокрытая харизма[19]	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виталий Аверьянов
Стратегия Русской доктрины. Через
диктатуру к государству правды

© В.В. Аверьянов, 2014

© Книжный мир, 2014

Предисловие

Стратегия органической России¹

Россия сегодня нуждается в чем-то вроде «принципата Августа», режима, который покончит с бесконечно самовоспроизводящейся гражданской войной и смутой

*Искать мудрость вне себя – верх глупости.
Книга изречений, XV в.*

Империи и революции

У противников стабильности и порядка накопилось слишком много претензий к нынешней российской власти. Они грозят в случае продолжения тактики Путина покончить с его режимом. Чтобы исключить наводнение, которого ожидают и накликают буревестники «новой революционной волны» в России, необходимо, на мой взгляд, воссоздать эффективный метод организации национальной жизни: власти стать на последовательно консервативные позиции, вооружиться **доктриной консервативных преобразований**, в том числе отобрать у потенциальных разрушителей стабильности главные «козыри», которые они смогли бы использовать в своей игре.

Сегодня «революционерам» становится все сложнее и сложнее выдавать себя за поборников пламенных идей справедливости и прогресса, все очевиднее их негативистский, сводящийся к разрушению и отрицанию дух. Если на Украине конца 2004 г. этого не осознали, так это в силу отсталости, неискушенности тамошних масс. Очевидно, что сутью «оранжевого движения» было не созидание новой Украины, а одномерная задача – свалить режим Кучмы, свалить старое правительство.

Характер новейших «революций» нетворческий – они представляют собой силу инерции в истории. Особенно для вдумчивого наблюдателя это заметно сейчас – когда новая глобальная империя расширяет свою периферию не через созидание, но **через разложение** иерархически более высоких структур – через упрощение и смешение иных государств с многовековой политической традицией... В сущности своей «революция эпохи пост-модерна» ведет к бесконечному воспроизводству ситуации, к стагнации. Напротив, слова «реакция», «реакционеры» обретают в наши дни творческий смысл. В этом есть глубокая правда².

России необходимо политическое творчество. Переход к стратегическим решениям в политике невозможен без отказа от плоскостной, двухчленной модели, унаследованной от эпохи «биполярного мира». Фактически дилемма «реваншизма» – «либерального западничества» воспроизводит именно советские «интернационалистические» схемы (нас все время пытаются вписать в универсальный проект: марксистской революции, социал-демократического переустройства мира, «нового порядка» Третьего Рейха, позднесоветского «сдержива-

¹ Данная статья стала одним из программных текстов, легших в основу коллективного труда «Русская доктрина». Впервые напечатана в журнале «Политический класс», № 4, 2005.

² В своей книге «Природа русской экспансии» (2003) автор предложил отказаться от понятия «революция» в качестве объяснительной схемы русской социальной истории. События 1905, 1917 гг. в этой книге рассматриваются в качестве элементов второго Смутного времени, понимаемого как строгое социально-историческое понятие (первое Смутное время происходило в 1598–1613 гг., второе – в 1905–1921 гг., третье – в 1985–2000 гг.). В 2004 г. автор продолжил эти параллели, показывая, в частности, в серии статей на APN.RU, что исходя из логики истории политика президента Путина должна была бы представлять собой современную версию преодоления последствий Смутного времени, подобного той государственной работе, что осуществлялась в XVII веке Михаилом Романовым или в XX веке Сталиным.

ния», и вот теперь – неолиберальной глобализации). Однако мир уже более чем десятилетие назад перестал быть биполярным. Мы просто потеряли право на то, чтобы описывать современность в терминах прошлого. Поэтому нам нужен не столько «реванш» (повтор былого величия), сколько «новая Россия», «иное будущее», такое величие, которого еще никогда не было.

Мир радикально меняется. Возникают новые динамично развивающиеся полюса мировой политики, оспаривающие монолог американского полюса с его беспримерной агрессией (после деконструкции СССР число американских военных интервенций, не говоря уже об их «гуманитарной» и «подрывной» интервенциях, возросло едва ли не в десять раз). Во-первых, европейская интеграция формирует принципиально новую геополитическую реальность. Во-вторых, динамично развивающийся Китай, подтягивающиеся за ним страны Третьего мира создают новое качество мировой политики. В-третьих, исламский мир чреват самыми неожиданными всплесками активности и, во всяком случае, способен как на консолидацию, так и на вступление в коалиции с иными, неисламскими, цивилизациями. Объективно необходимо переходить от двухмерных к открытым пятимерным (и даже более того) моделям мироустройства. И количественные, статистические измерения, попытки вычислить сравнительный потенциал различных цивилизаций, кем бы они ни проводились, сами по себе никак не могут опровергнуть этой истины о наступлении эпохи новой многофакторности, о новой цивилизационной пестроте, в которую вступает мир в XXI веке.

Предрассудок первый:

В рациональной сфере мы никак не можем отказаться от непродуктивной дилеммы: интеграции/неинтеграции в западный мир. Настоящие векторы развития России пролегают не здесь.

Однако в сознании «элиты» России до сих пор одним из определяющих остается предрассудок о дилемме «интеграции/неинтеграции» нашего геокультурного пространства по отношению к «первому» полюсу мировой силы. Русскому человеку уже скучно думать об этом, идея интеграции в западный мир слишком понятная, «слишком человеческая», даже унылая. С этой идеей в голове можно прожить год-два, но с ней невозможно жить 10 и более лет, если, конечно, ты не получаешь за это зарплату в международных фондах (то есть не становишься профессиональным «демократом» и «вестернизатором»). Идеи интеграции или изоляции, глобализма или антиглобализма – это не наши идеологии, не имеющие к нам тесного отношения, не способные стать идейной системой, описывающей наш цивилизационный организм и его реальные нужды.

Другим предрассудком, связанным с первым, является миф о конце эры империй. Фактически, мы имеем дело с устаревшим романтизмом эпохи разложения западных колониальных систем и «холодной войны». Однако, реальность гораздо суровее. Оказывается, империи не распадаются окончательно, они разрушаются и вновь создаются в новых конфигурациях, на смену одной империи приходит другая. В истории еще никогда не было периода ослабления и распада всех империй. Наоборот, действует закон: если какая-то империя ослабевает, здесь нужно искать причиной активность другого цивилизационного очага. Советский Союз и выстроенная им международная система не давали возможности западному колониализму сохраниться или возродиться в новом формате. В этом смысле разрушение СССР было **местью** со стороны Запада за распад их колониальных империй – Британской империи, колониальных систем Франции, Бельгии, Португалии и т. д.

Иллюзия перехода «цивилизованных стран» к постимперскому процветанию – дурная и поспешная аналогия, сослужившая России недобрую службу. Миф о конце всех империй весьма настойчиво внушался элите СССР в конце 80-х годов, видимо, потому, что СССР рассматривался авторами этого мифа как «империя зла». Однако, вне стройного порядка

и долгосрочной политической стабильности, которую способна обеспечить только имперская система (не важно, в демократической форме или нет) не может быть и длительного хозяйственного процветания. Даже стабильного режима соблюдения «свобод» и «прав» вне имперской системы не достичь.

Мир вновь движется в эру множества «цивилизационных миров», – не малых национальных государств по образцу европейских стран эпохи Просвещения, но больших сверхнациональных порядков. Сама Европа дает нам пример подобного имперского синтеза. Никакая риторика о демократических институтах не должна вводить нас в заблуждение относительно неоимпериализма глобальных проектов.

Специфика России в нынешней ситуации заключается в том, что она не позволяет двум западным проектам (атлантистскому и западноевропейскому) стать окончательно глобальными и возродить старую колониальную систему. Россия с ее ядерным оружием остается **фактором миродержавия**, то есть сдерживания тех, кто стремится к мировому господству (эту свою миссию Россия уже неоднократно подтверждала). Сегодня фактически Россия позволила незападным цивилизациям (в первую очередь, Китаю) успеть окрепнуть настолько, что речь уже не идет об односторонней глобализации как побеждающем сценарии новой мировой империи.

Отказ от вторичности и пассивности

Мы должны осознать, что имеем на международной арене дело с несколькими живыми комплексами, органическими мирами. Здесь скрыты одновременно «вызовы» («угрозы»), но и «возможности», перспективы сотрудничества и даже «братства» с иными нациями и цивилизациями. Исламский терроризм как угроза России – это одна сторона медали; другая сторона – у русских есть уникальный опыт многовекового содружества и совместного строительства своей страны с мусульманами, есть и опыт плодотворного сотрудничества с исламскими странами Ближнего Востока. Китайское «просачивание» как угроза России – лишь одна сторона медали; другая сторона – мы нужны друг другу для экономического развития и мы способны дать друг другу то, чего каждому из наших миров не хватает (природные ресурсы и передовые технологии России нуждаются в рынках потребления и, что особенно важно, в рынках труда). Когда говорят об опасности захвата Сибири китайской иммиграцией, забывают о возможности целенаправленного включения колоссальных людских ресурсов нашего соседа в воплощение **официальных** двусторонних проектов, созидательных инвестиционных и трудовых программ по обустройству наших дальневосточных территорий. Нельзя пускать на самотек то, что можно было бы взять под государственный и общественный контроль.

Принимая ценности американцев и европейцев (демократию, права человека, комплекс свобод, включение в их транснациональные институты и т. д.), Россия ставит себя по отношению к иным, незападным цивилизациям в позицию «вторичного придатка» западных проектов, несамостоятельного центра силы. Россия становится в таком случае проводником дальнейшей **атомизации** общества, **расчеловечивания** природы и традиции, встраивается в глобальный секулярный проект (внутри которого просматриваются протестантские и оккультные швы), подключается к работе плавильного котла глобализации, в котором все социальные миры обязаны утратить свое органическое измерение, разложиться на элементы «неживой природы».

Предрассудок второй:

Пора осознать, что время империй не прошло. Деколонизация XX века, осуществленная при активном подрывном участии соцлагеря и

последовавшая за этим «мечь» Запада – распад соцлагеря и СССР – не стали «концом истории».

Напротив, если бы Россия попыталась выдвинуть собственную, традиционную, отвечающую духу русской цивилизации, систему ценностей, наши западные партнеры восприняли бы ее как альтернативу глобализации. Надо учитывать тот факт, что для стран Востока, для этих древних тысячелетних культур, глобализм Запада выступает как **пародия на Традицию**. Русский же опыт примирения и сосуществования православной, исламской и буддистской культур в рамках одного государства, напротив, является поразительно перспективным и гармоническим.

Россия явила в истории опыт правильной, жизнеспособной империи. Западный секулярный проект с его мнимыми толерантностью и гуманностью по отношению к «иным», навязывает окружающему миру совершенно ненужные ему представления, модели поведения, установки, порою не просто чуждые, а прямо кощунственные и безобразные с традиционной точки зрения. Запад не способен осуществлять свою экспансию без подрыва традиции и традиционных ценностей других культур.

Миф о «международном терроризме», – новейший из инструментов лицемерной глобализации. Этот миф позволил США утвердиться в Передней Азии. И хотя власть в России использует этот идеологический конструкт для решения тактических задач, но стратегически мы от этого можем только проиграть. Запад стремится выиграть от глобализации подрывных технологий, и для этой цели он сам **становится террор-технологом**.

Если подтвердится версия о том, что террористическая война против России развязана именно Западом с целью давления и устрашения, то сотрудничество с Западом в антитеррористической коалиции становится нашим историческим позором. Миролюбие по отношению к террор-технологам – тактика недопустимая. Террор-технологи должны быть вычислены с высокой точностью.

На каждый Беслан и теракт помельче, те, кто «помогает» желающим «оторвать от нас кусок пожирнее», должны получить удесятеренный теракт в ключевых точках их жизнедеятельности. В этом смысле операция по устранению Яндарбиева – весьма удачная.

Предрассудок третий:

Мы ощущаем себя страной, попавшей в яму исторического коллапса. Но многие из наших ближних и дальних соседей ожидают, когда мы, наконец-то, очнемся от обморока собственной недооценки. И Запад, и Восток посчитают естественным, что мы вновь станем самостоятельными игроками, полностью выстраивающими свою модель политической самоорганизации.

Но достаточно ли наказывать исполнителей, когда сценаристы и технологи остаются за скобками кровавой борьбы? Вопрос риторический. Поэтому лучший и по-настоящему действенный способ одолеть терроризм – включить его в собственную систему в качестве одного из многих «фундаментализмов», составляющих империю народов и укладов, перенаправить жало террора против тех, кто его провоцирует.

Вряд ли технологам **террор-глобализации**³ удастся осуществить еще один раунд переворотов, который опрокинет правительства больших конкурирующих держав. Тем не менее,

³ Под **террор-глобализмом** (TG-комплекс) автор понимает единый комплекс различных технологий управления хаосом в целях глобализации. Это не модернизация «теории заговора», а представление, согласно которому «мировой заговор» отсутствует, но мировой замысел, находящий свое воплощение в системе двойных стандартов в международной политике, действует в полном объеме. К TG-комплексу относятся как собственно террористические «войны», так и разнообразные технологии «сговора с элитами», «скупки элит» в обществах мировой периферии, а также формирование там подрывных проектов нового, «полу-спонтанного» типа («оранжевый фактор»). Подробнее см. в настоящем издании в статье «Геополитика».

власти в России важно подготовиться к таким попыткам подрывного вмешательства в нашу политику, о чем речь пойдет ниже. Что же касается международной политики, то нужно сделать так, чтобы Ирак, Украина, Киргизия стали последними, поворотными пунктами безудержной террор-глобализации панамериканистов. Корея, Иран и Сирия в случае появления реальной угрозы интервенции, должны стать прямыми военными союзниками России – иначе тотальная «империя добра» обратит и саму Россию в «ось зла».

Демократия и государство-организм

Ситуация 2000–2004 гг. в России является вынужденным компромиссом, который может быть обозначен как либерал-консерватизм либо олигархический национализм. Путин пошел на этот компромисс, поскольку это был единственный вариант выхода из Смутного времени, отползания от края пропасти, над которой висела Россия в 90-е годы.

Либерал-консервативный компромисс можно уподобить политике НЭПа, который, как известно, Ленин рассматривал в качестве временного отступления для перегруппировки сил. Собственно именно так – как перегруппировку сил – следует понимать всю путинскую политику. Однако, «угар нового НЭПа» уже прокоптил Россию. Вынужденная реакция Путина подошла к моменту своего решительного самораскрытия: либо будут сделаны следующие шаги по пути нашей органической реакции, либо Россия опрокинется вспять.

Что означает в нынешних условиях здоровая творческая реакция нашей национально-государственной традиции? Означает ли эта реакция отказ от ценностей западной демократии?

Если рассматривать демократию как внешний инструмент воздействия на политику России, если видеть в ней фактор упрощения и примитивизации русской политической традиции – то такая демократия должна быть отброшена прочь как ядовитая гадина. Наша политическая система стала жертвой тотального экономоцентризма. Она строится как абсолютный аналог рынка. Покупка и продажа статуса, сделки между группами интересов, наконец, сама власть как руководство холдинга, оказывающего «услуги населению»; выборы всех уровней осуществляют как инвестиционные проекты, – необходимо исправить эту аномалию.

К русской модели демократии, адекватной нашей цивилизационной специфике, мы пока еще не подступились. Проблема не в том, что демократия наша молода, – существует точка зрения, что русское самодержавие в Средние века было своеобразной формой демократии (не говоря уже об опыте «вечевых» республик Новгорода и Пскова или об общинной самоорганизации русских крестьян)⁴. Дело в том, что современная наша демократия не вызвана процессами внутренней глубинной политической эволюции русских социальных структур.

В современных условиях диктата массовой информации власть капитала в политике становится угрожающей. Происходит молниеносное перетекание влияния капитала из экономики в политику. Схватка экономических группировок приводит не к органическому вос-

литика больших скреп».

⁴ К слову о старой «вечевой» демократии, она очень напоминала целым рядом своих черт современную Россию: диктат олигархической прослойки, сводящей на нет представление реальных интересов основных сословий общества; через подкуп «худых мужиков» олигархия осуществляла свою стратегию. По верному замечанию И.Л. Солоневича, «Новгород был построен более или менее по ганзейскому типу: государство как торговый дом. Правительство как правление акционерного общества... Москва рассматривала каждую завоеванную или присоединенную область, как свою новую составную часть, как новую часть общего государства, а не как торгово-промышленное сырье, не как меховой или челядинный сырьевой рынок» (Солоневич И. Народная монархия. – Минск, 1998. – С. 268). Старая новгородская «демократия» воспроизводила западный архетип «колонизации» иных племен, а не русский (московский) архетип **правильной империи**. Следовательно, олигархический вариант демократии явно не соответствует многовековой русской политической традиции.

производству государства, а к механическому разрыванию его на куски, – государство рассматривается как пирог, а не живое целое.

Пока демократия в России не сделала нашу социальную систему более совершенной, чем она была раньше. Произошло **упрощение и разъединение**: фабрику разобрали на части, но не добились постиндустриального качества, напротив, опрокинули Россию по существу в доиндустриальную стадию, в «базар», на котором старые ценности обесценились, а новые просто не создаются.

Наш современный «базар» замкнут на воспроизводстве старого и даже на понижении его качества (рынок переполнен дешевым ширпотребом, быстро изнашиваемым товаром). По сути, вопреки либеральным догмам, рынок развивается не интенсивно, выступает как одна из форм социальной энтропии. Иными словами, для подлинного развития России «свободного рынка» оказалось явно не достаточно. Рынок представляет собой экономическое болото, и без импульсов извне лишь преумножает сам себя, но не созидает нового и высшего качества. Происходит наводнение рынка иностранным барахлом при затормаживании собственной индустрии.

Рынок развивался бы по-настоящему не через циклическую саморегуляцию, но через прорывные стратегические проекты, которые сообщали бы ему инновационные импульсы и способствовали бы повышению качества товаров и интенсификации производства. Так же как и в любой другой системе, рынку необходимо волевое начало, вносящее в него динамику, меняющее его вертикальный объем.

Предрассудок четвертый:

Политическую жизнь у нас строят как аналог рынка, и это воспринимается как норма. Покупка и продажа статуса, сделки между группами интересов, наконец, сама власть как руководство холдинга, оказывающего «услуги населению»; выборы всех уровней осуществляют как инвестиционные проекты, – необходимо исправить эту аномалию.

Неорганическое восприятие России нашими политиками и чиновниками, неорганическое восприятие ее хозяйства «хозяйствующими субъектами» – тесно связаны между собою. Эта неорганическая стагнация декларирует себя как некую **стабильность**, на самом деле **ложную**. Олигархическая псевдостабильность в экономике воспроизводит себя и в псевдостабильности политической: с середины 90-х годов в России практически отсутствует вертикальная социальная циркуляция, связанная с демократическими институтами. Выбирают депутатами одну и ту же когорту людей, не способных предложить ничего нового. Новые люди рекрутируются во власть через систему назначений, но не через систему демократических выборов (исключения из этого правила незначительны). С каждым годом все больше граждан России осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избранников становится катастрофическим. По существу и для власти, и для народа выборы становятся тягостной формальностью, добровольно взятым на себя ритуалом **поддержания приличий**.

Еще в 1990 году в своей знаменитой работе «Как нам обустроить Россию» А.И. Солженицын высказывал сомнения по поводу приемлемости для нашей жизни принципов «всеобщего-равного-прямого-тайного голосования». Этот современный демократизм Солженицын охарактеризовал как *«торжество бессодержательного количества над содержательным качеством. И еще, такие выборы („общегражданские“) предполагают неструктурность нации: что она есть не живой организм, а механическая совокупность рассыпанных единиц»*. *«Опять же: принцип полного разделения законодательной, исполнительной и судебной власти – не без спорности: не есть ли это распад живого государственного организма?»*

Все три распахнувшиеся власти нуждаются в каком-то объединяющем контроле над собой – если не формальном, то этическом».

Президент Путин угадывает своим чутьем то магистральное направление, в котором должна двинуться теперь наша политическая система. В своем выступлении на расширенном заседании правительства после Беслана (13 сентября 2004 г.) Путин последовательно проводил метафору «государство – организм», «страна – организм». В речи Путина слово «организм» было произнесено 7 раз, Россия описывалась не как мертвая система, а как живое целое, причем органичность государства воспринимается не столько как данность, сколько как требование и задача: *«Органы исполнительной власти в центре и в субъектах Федерации образуют единую систему власти и соответственно должны работать как целостный соподчиненный единый организм». «Мы должны сделать нашу страну эффективным... организмом».* В этой же речи прозвучали другие знаковые слова: *«Ослабла страна и государство – и все вспыхнуло сразу. Это внутри каждого организма и каждого государства присутствует... Нам нужно наладить систему власти, управления страной, нам нужно создать эффективную экономику, нам нужно оздоровить весь организм российской государственности и экономической системы. Мы действительно идем по сложному, абсолютно неизведанному пути. Нам сейчас не нужно оглядываться назад и говорить, что были наделаны такие-то или такие-то ошибки. Давайте мы сейчас, на уровне нашей сегодняшней ответственности, будем действовать так, как мы считаем нужным... Не случайно мы сегодня много говорим о формировании властных структур. Ведь почему начало происходит заметное перетягивание одеяла в сторону федерального центра от регионов? Да потому что разрыв существует очевидный в этой единой системе исполнительной власти в стране. Ее действительно не было, и нет до сих пор, единой системы. Значит, она должна быть создана».*

Ощущение Путина, что мы идем по неизведанному пути, что нужно начать строительство государства как бы заново – говорит о многом.

Идея супранационализма

Построение «органического» образа будущего для России не означает отказа от демократии. Однако мы имеем право на свой длительный и нелинейный путь к формированию политических институтов. Не исключено, что органическая русская демократия вполне сочетаема и с монархией, и с авторитарными институтами власти. Никто не должен навязывать нам свои модели и заставлять нас пробегать свой исторический путь в каком-то неимоверном темпе. Русские не варвары, Россия – тысячелетняя цивилизация, а не стран дикарей.

Президент у нас органицист – но он органицист без организма, который бы слаженно и четко выполнял распоряжения своего центра. Внутри России-организма нужно создать живую систему власти...

Активное творчество новых политических форм выбьет все козыри из рук «революционеров», желающих под видом мнимой смены элит опрокинуть Россию в новую олигархическую стагнацию. У «революционеров» нужно перехватить идеи стратегического национализма, а также стратегии социальной справедливости. Это объединит и соберет народ вокруг власти. Правда ситуации в том, что власть сейчас **действительно способна вернуть** России идеи здорового духовного национализма и социальной справедливости, тогда как «революционеры» будут лишь использовать «правильные» лозунги, но в реальности ничего нового созидать не будут.

Итак, возвращение к здоровому национализму.

Интересы русских в России не противоречат интересам нерусских коренных национальностей. «Россияне» только теснее объединятся и солидаризируются между собой через

признание и утверждение законных интересов русского ядра. Вопрос стоит так: либо вместе с русскими против разрушителей национальных интересов – или с разрушителями России при стыдливом умалчивании о правах, интересах и традициях русского ядра. Не надо умалчивать, не надо стыдиться, не надо бояться темы русского национализма в России. Не стоит бояться тех маргинальных групп, которые начнут кричать о фашизме и диктатуре в России. Они уже и сейчас ворчат то же самое. Гораздо важнее наладить взаимопонимание с народными массами.

«Россиянство» – навязанный неверный ориентир, по своему происхождению «интернационалистический» – игнорирующий иерархию этнокультурных ценностей России. Это наше наследие от «советского прошлого», едва ли не худшее, что от него нам досталось. Нам нужна **не российская, а русская** модель государственности. Многие воспримут такую идею как исключаящий, «отрицательный» национализм коренного народа, однако речь идет о другом: выдвигении его в ядро нации как цементирующей общности, сознающей свои интересы. «Россия для русских» – выражение эпохи Александра III, которое необходимо лишить привнесенного в него в последние годы негативистского содержания. Сделать это на уровне словоупотребления не так уж сложно, как кажется на первый взгляд. Нужно вернуть в речевой обиход понятие «русские меньшинства». Мы должны говорить не «татары-россияне», «коми-россияне» и т. д., но: «русские татары», «русские коми», «русские евреи» и т. д. В былые времена прилагательные «российский» и «русский» были абсолютными синонимами. Поскольку ситуация изменилась, нужно обратиться к более четкому исконному прилагательному «русский», а прилагательное «российский» вообще употреблять как можно реже. Ведь те же «татары», если называть их «россиянами», не становятся от этого ни ближе к русским, ни ближе к себе. Называясь же «русскими татарами», они почувствуют себя более значимыми и в своей принадлежности «России», народу и государству в целом, и в принадлежности к своему этносу.

Предрассудок пятый:

Мы всё боимся, что официальное признание русских ведущим национальным началом нашего государства, а православия – ведущим его духовным началом посеет какую-то рознь. Но это признание всегда было основанием крепкой имперской стабильности России. Не понимать этого – прямо-таки роковое обольщение.

Сделать такой знаковый переворот в словоупотреблении может только власть, и только власть может терпеливо объяснить обществу, что это правильно. Собственно русские в союзе с русскими этническими меньшинствами – это и есть **точная, честная формула исторической России**. Более того, эта формула означает вовсе не «узкий национализм», но совсем наоборот, она его исключает. Поскольку именно такая формула дает возможность мыслить Россию не как интернационал, но как добровольную супранациональную коалицию народов. Различие между интернациональным и супранациональным в политике является радикальным и чрезвычайно существенным. Интернациональная идеология предполагает «прогресс» человечества как постепенное растворение всех во всем, выведение нового межрасового типа, в конечном счете, полную этнокультурную энтропию, создание космополитического гуманоида, смешавшего в своей крови все, что можно было смешать. Супранациональная идеология скорее предрасполагает к национально-культурному разнообразию, и хотя смешанные браки она не отменяет, однако и не поощряет их. Супранационализм выступает скорее как союз самостоятельных народов против интернационализма, космополитизма, всесмесительной глобализации, нивелирования всех человеческих различий и особенностей. Для супранационализма сохранение национально-культурного своеобразия является высокой традиционной ценностью. Здесь возникает совсем иная формула

«терпимости» – не «терпимости» всесмещения, проповедуемой просветительским проектом Запада, а «терпимости» нераздельного и неслиянного порядка, «терпимости» как **гармонии** разных и самостоятельных личностей и обществ. Не будет большим преувеличением сказать, что в советской империи под внешней догматикой интернационализма скрывались традиционные ценности супранационализма. И реальное сотрудничество советских народов объяснялось именно этим.

Через супранациональную идею можно сплотить пусть и не подавляющее большинство нации, но ее ядро, ее несущие тягловые слои. А это-то сейчас и нужнее всего.

Духовный океан православия

В споре западников и славянофилов в долгосрочной перспективе западники не могли победить – потому что в славянофильстве под личиной исторически случайной мотивации «панславизма» (борьба с турецким игом, освобождение братьев-славян и т. п.) фактически скрывалась идейная система автохтонности, суверенности. Есть суверенитет юридический, существующий для удовлетворения правовых амбиций малых государств-наций, но есть суверенитет, наполненный более существенным содержанием – цивилизационный, основанный не на воле наций к самоопределению, а на доказавшей себя идентичности больших историко-культурных миров. России нужен решительный поворот к манифестации себя как суверенной цивилизации, имеющей собственный духовный стержень, собственную парадигму экспансии.

Таким духовным стержнем России является ее православная традиция, которая, подобно собственно-русскому ядру в этнической жизни России, образует фундаментальное измерение всей русской культуры. Православие в настоящем исконном значении слова не совпадает с понятием «православия как конфессии» (то есть внешнеюридической его стороной). Границы православия не проходят там, где проходят юридические границы Церкви. По природе духовная вера выше права и не может быть измерена правовым мериллом.

Попытки ряда представителей русской интеллигенции обосновать идею интеграции в западный мир тем, что мы все, дескать, принадлежим «христианской цивилизации», трудно признать адекватными. Исторически эта позиция не выдерживает критики: сближение с западным христианством пагубно для цивилизационной идентичности России. Католичество и протестантизм в отношении к православию являются опытом духовного «провинциализма» – и это несмотря на огромное число последователей западных христианских конфессий.

Западный религиозный провинциализм легко объяснить, если прибегнуть к метафоре океана и морей: православие Древнего Востока представляет собой океан христианской истины – Римская церковь обособилась от этого океана, подобно тому как Средиземное море обособлено от Атлантики. Но далее от Средиземного моря обособляется Черное и Азовское моря – им подобны в этом отношении протестанты, отпочковавшиеся от Римско-католической церкви. Для православного океана эти обособления выступают как своего рода ограничения истины, и хотя все мы христиане, однако, русские православные остаются открыты для всей полноты христианской истины, тогда как западным христианам необходимо преодолеть чрезвычайно узкий пролив своей конфессиональной обособленности, чтобы выйти на простор древлеправославной веры, то есть собственно апостольского, вселенского христианства.

Парадокс и непонятная многим миссия русского православия заключается в том, что в рамках пространства России (Евразии) оно вынуждено избегать смешения с западным «духовным провинциализмом», вырождающимся в секуляризм и оккультизм, однако оно встречается здесь с иными духовными океанами: иными мировыми традиционными религи-

ями. Нехристиане оказываются нам ближе иных христиан, называющих так себя по имени, но по сути уже от Христа отошедших очень и очень далеко. Формула русского отношения к иным верам **проста и уникальна**, если сопоставить ее с западным миссионерством и прозелитизмом: мы с уважением принимаем традиционные верования своих собратьев по государственности и исторической судьбе (в первую очередь наших соотечественников мусульман). А подлинное уважение невозможно симитировать.

Консервативные преобразования в духовной сфере России состояли бы в том, что традиционные религиозные общины были бы гораздо более адекватно представлены в системе государства, в сферах образования, воспитания, массовой информации, науки и культуры, чем это принято в так называемом «светском государстве», то есть в государстве, которое по умолчанию принимает за норму существующее положение дел вместе со всеми последствиями религиозных (антирелигиозных) реформаций и революций, псевдорелигиозных и оккультных диверсий и т. д. Честная конкуренция традиционных конфессий с нетрадиционными дала бы совсем другой результат ценностей и другую духовную ситуацию, чем нынешнее светское государство с его коррупцией и ангажированностью. Но и честная конкуренция религиозных традиций, если бы она была возможна, ценностно более чем сомнительная. Души людей – это не рынок, а если и рынок, то в самую последнюю очередь.

Мобилизация социальной правды

В верховной власти есть своя мистика, многим непонятная. Эта мистика, может быть, сводится к тому, что носитель верховной власти отождествляет себя со страной. Сохранение страны и сохранение власти над страной становится трудно различимым делом. Ведь носитель суверенитета, его личностное воплощение, который предполагает завтра отказаться от продления своей воли, по существу «сдает» и самую страну в другие руки. Это своего рода бегство с корабля, которое предполагает незаинтересованность в дальнейшем движении корабля тем же курсом и вообще в его выживании (иными словами, получается, что «демократия» с постоянной сменой власти пагубна для страны без глубоко укоренившейся элиты, без продуктивной, незастойной стабильности). Если же возобладает принцип суверенности – то сохранение режима личной власти означает и сохранение корабля, и стратегическое прочерчивание целостного курса в будущее.

В этом смысле для консервативного мировоззрения не слишком важно, какой именно механизм избирает власть для закрепления суверенитета и стабилизации существующего режима. В политической практике России существовали разные методы решения этой проблемы: многие русские императоры меняли существующий порядок престолонаследования, исходя из сложностей конкретной ситуации. В советский период власть предпочитала избегать рисков, связанных с перемещением политических рычагов из одних рук в другие, с помощью создания новых форм и конфигураций верховной власти: например, переход функций от Председателя Президиума Верховного Совета к Генсеку, сочетание высших постов в лице одного руководителя и т. д.

Сейчас наиболее популярная рекомендация в адрес власти: наделить главу правительства в России фактически президентскими полномочиями, совместить высшие посты и тем самым элегантно уйти от необходимости ломать голову над пресловутой «проблемой 2008». В контексте консервативных преобразований такое решение представляется половинчатым. Более последовательный путь: создание принципиально новых институтов и форм верховной власти – при этом действительно можно сохранить выборную должность президента. Верховная власть может и обязана во имя России опереться на новые вертикальные структуры, не связанные с общенациональными выборами. По сути это означает отказ от панаме-риканистской модели «президентской власти».

Безотносительно выборов и всевозможных тактических сложностей просматривается только один последовательный выход – власть должна сама бросить клич социальной правды, предложить народу реализацию чувства **социальной правды**. Она должна призвать активное здоровое население, во-первых, в элиту («делайте карьеру!»), во-вторых, в реальный сектор экономики через учреждение масштабных проектов. Это должна быть идеология не «потребительского общества», не «свободного рынка», который сам за нас все вспашет и засеет, но идеология национального развития, волевого проекта, опирающегося на сознательно выстраиваемый «образ будущего». Мечта русского гражданина не должна описываться схемами телевизионной рекламы, нереалистическими потребительскими ожиданиями, надеждой на выигрыш, свалившийся с неба – мечта должна быть связанной с созидательными проектами, в которых у него **есть возможность** участвовать. При этом мечта должна пробуждать в русских чувства солидарности, напоминать им об их исторической общности, пробуждать желание стать ближе друг к другу, своим соседям и сослуживцам.

Ключевой аспект социальной мутации нашего общества лежит в сословии чиновников, которые рассматривают **службу как потребление**. Потребительские установки, которые чиновничество воспроизвело и в преумноженном виде направило в толщи нашего народа, породили уродливые сдвиги традиционных социальных ролей. Смутное время создало условия, с одной стороны, «отпуска всех на волю», когда никому ни до кого нет дела, с другой стороны, спонтанной классовой войны, когда сильные обирают слабых. Наиболее ярко «война классов» олицетворялась в стихии русского бандитизма 90-х годов. Несомненно, криминальный слой нашего общества подобрал в себя многие продуктивные, жизнеспособные человеческие ресурсы. Много провинциальной молодежи, потенциальных армейских и милицеских офицеров, пошли в Смутное время на службу не государству, а «братве». Этот агрессивный потенциал, будь он направлен не на самоистребление, а вовне, мог бы преобразоваться в энергию наступления России, ее победоносной экспансии. Войнственность целого поколения была замкнута на самое себя.

Важно сказать и о том, что русский обыватель в Смутное время представлен преимущественно фигурой предпринимателя. При этом в зону «предпринимательства» затолкнули всех, кого только можно. Скитающийся в поисках пропитания и сдающий стеклотару бомж – это своего рода образчик «предприимчивости». Производитель был вынужден перекавалифицироваться в посредника, взять «риск» за свое дело, включиться в игру финансовых пирамид. В Смутное время обыватель, который служит на производстве – это нонсенс, «списанное поколение», по выражению либералов. Что касается интеллигента, то он сделался в эту эпоху абсолютно неуловимой субстанцией, раздробленной в бесконечном числе кружков и клубов. Даже вожди интеллигенции – академики, политтехнологи – замкнуты в более или менее расширенные междусобойчики. Любая масштабная попытка прорыва в общенациональное поле оканчивается провалом. Общенациональное поле сужается до нескольких монополистических СМИ, но в этой точке интеллигенция уже перетекает во власть, в политику. Ибо всякий имеющий большой информресурс становится: а) кормящимся от рекламы предпринимателем, и б) политиком, даже если он снимает передачи про домашних животных.

Предрассудок шестой:

У нас принято отождествлять государственность и класс чиновников. Никого не удивляет, что установка на укрепление государства оборачивается лишь новыми возможностями для коррупции и злоупотреблений. Между тем укрепление государства по своей природе является прямо противоположным процессом: чем сильнее государство, тем опаснее для чиновника нарушать законы и распоряжения.

Мобилизация населения России на новые национальные проекты связана с восстановлением нормы досмутных времен, а именно: восстановлением традиционных классовых ролей, которые в Смутное время мутировали. Необходим переход значительного числа обывателей обратно из неудачливого бизнеса на службу, переход интеллигенции из кружковщины к своим прямым обязанностям: учить и лечить.

Возврат от стихийной социальной стратификации к клановой и общинной, не говоря уже о возврате к индустриальной стратификации общества – был бы сегодня не регрессом, а скорее самозащитой государства и общества. В противном случае государство будет постепенно разрушено внешними силами, поскольку долларовые эквиваленты социальных ценностей со временем полностью размоют все «качественное» в России. Царство количества размоет всю нашу специфику, все остатки «органического» начала.

Мне уже доводилось писать (в «Эксперте» в 2002 году), что чиновничество с его корыстным произволом рассматривает ужесточение власти и укрепление государства как выпуск новой серии негласных индульгенций на злоупотребления. У нас вообще принято отождествлять государственность и класс чиновников. Никого не удивляет, что установка на укрепление государства оборачивается лишь новыми возможностями для коррупции и злоупотреблений. Между тем, укрепление государства по своей природе является прямо противоположным процессом: чем сильнее государство, тем опаснее для чиновника нарушать законы и распоряжения.

Рекрутирование новой элиты, новых человеческих ресурсов должно пойти на этот раз не столько через выборы снизу, сколько через призыв сверху. Это должна быть идеологическая ротация элиты.

Соборность в политике

В инициативе по созданию новой общенациональной палаты с авторитетным рекомендательным голосом в государственной работе и контрольными функциями есть как некоторая надежда, так и свои опасности. Формулируя суть своего предложения об Общественной палате.

Президент отметил: *«Речь идет о гражданском контроле за работой госаппарата включая правоохранные органы и специальные службы, что сегодня, на мой взгляд, чрезвычайно важно».*

Надежда заключается в том, что такой орган воспроизводит многие черты традиционных представительных институтов России («государева верха», Земских соборов). Может быть, через какое-то время, не слишком продолжительное, именно такая мягкая форма представительства низов во власти останется **единственно работающей**. Принцип отбора предполагает гораздо более рациональную деятельность, чем выборы. Дело не в том, что отбор осуществляется сверху, а в том, что он по определению исходит из реально существующих пропорций внутри общества.

Нам нужны институты не абстрактного «гражданского общества», а институты соборности. Если немного пофантазировать, то в таких институтах было бы представлено несколько новых «партий»: державничества (русского империализма), народничества (традиционной социальной правды) и несколько «малых» идеологий: традиционных религий, национальных фундаментализмов, корпоративных и местных укладов.

Однако именно в этом пункте таится наибольшая опасность. Пропорции общества зависят во многом от того наблюдателя, которые эти пропорции описывает. Если даже наблюдатель достаточно объективен, он сталкивается с фактором встречной активности и

пассивности общества. Платон говорил, что лучшим руководителем государства мог бы стать философ, хотя философ («подлинный кормчий») никогда сам не напрашивается на подобные роли, его нужно не просто отыскать, отодвинув в сторону множество участвующих в политических распрах, но еще и уговорить выполнять эту роль. Ибо *«кто нуждается в подчинении, должен обратиться к тому, кто способен править. Не дело правителя просить, чтобы подданные ему подчинялись, если только он действительно на что-нибудь годится»* (Платон, Государство, 489 с.).

Совсем по-другому обстоит дело с нашим так называемым «гражданским обществом». На поверхность вылезает все то, что не нужно искать и заставлять. Эти активные люди – представители наиболее успешных, наиболее продвинутых правозащитных организаций, организаций, получающих международные гранты, шумно создающих видимость своей деятельности и репутацию в средствах массовой информации – грозят заслонить собою собственно «гражданское общество». Существует опасность, с одной стороны, свести Общественную палату ко второму изданию «Гражданского форума», организованного Павловским со товарищи, с другой стороны, существует и опасность посадить в палату еще один филиал «Единой России», на этот раз не региональный, а центральный. В обоих случаях абсурд этой инициативы очевиден. Мы получим либо свой карманный антиглобалистский интернационал, либо «клонированный студень» политически активного чиновничества.

Если Общественная палата нужна для укрепления подлинной стабильности государства, то во что бы то ни стало необходимо избежать опасности чисто количественного роста той псевдостабильности, о которой я уже писал выше. России нужна не голая стабильность, а сложная динамическая стабильность, имя которой – соборность. Нам нужна дружная органическая работа государственной иерархии, крупных отраслевых корпораций и общественных сетевых структур.

Как писал на сей счет И.А. Ильин: *«Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты учреждения с чертами корпорации: оно строится и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу выборного самоуправления»*⁵. Современной политической системе России нужен представительный корпоративный принцип, выход в новое измерение, а не размазывание по новым институтам прежней биполярности (КПРФ – «партия власти»).

Внутри соборной модели русского представительства могли бы возникнуть своего рода «партии», «крылья» общественного целого, весьма не похожие на старые партии ельцинской России. Пофантазируем.

Это была бы, во-первых, партия **державничества (русского империализма)**, партия традиционной государственности, собирательницы земель и покровительницы народов, России как собора племен и вер. В основе имперской системы ценностей, отстаиваемой этой общественно-политической силой, будет лежать приоритет не количественный (перевод и пересчет людей, племен и традиций в деньги, киловатт-часы и т. п.), а духовно-политический. Экономическая целесообразность, о которой столь рьяно говорили и продолжают говорить наши либертарианцы, в этой перспективе оказывается ценностью служебной. В имперской экономике никого не будет волновать, сколько процентов от экономики Великой России составляет экономика какой-нибудь Белой или Малой Руси, вступающей на путь реинтеграции. Каждый атом империи обладает абсолютной ценностью, каждый гражданин империи – носитель неприкосновенности и чести Великого Рима.

Так называемая «партия власти» все больше превращается в носительницу полубессознательного, но вполне реального «бюрократического фундаментализма»; наиболее здоровые элементы бюрократии осознают, что единственный для нее путь в будущее – это рас-

⁵ Ильин И.А. Собрание соч. в 10 тт. Т. IV. – М., 1994. – С. 484

крытие своего социального содержания как внутреннего оплота государства и цивилизации и стремление к облагороженной манифестации своей миссии – «госслужбе», «служению Отечеству» и т. п. Проблема «Единой России» в том, что она принципиально пугается возможности идеократии в себе. Вступление на путь идеократии означало бы для «Единой России» распад на множество партий, поскольку нынешний ее партийный консенсус держится именно на принципе «деидеологизации ради стабильности».

Второй существенной политической силой русского Собора стало бы **народничество**, идеология «социальной правды», раскрываемая не как абстрактная ценность, но как своего рода наша национальная традиция. Большевики в свое время использовали пафос русского «народничества», одухотворяя им свою культурную политику, формируя с его помощью цивилизационный стиль советской империи. Это крыло нашей соборной политической системы видело бы свою задачу в том, чтобы привести в гармонию сословия и корпорации внутри России. Понятно, что путь к такой гармонии лежит не через псевдостабильность нынешних «единороссов», а через достаточно жесткое изменение внутрirosсийского климата, в том числе ограничение зарвавшихся корпораций. Обуздание тех, кто в Смутное время преуспел в своем несправедливом обращении с общенациональным богатством, является для идеологии «социальной правды» не самоцелью, но именно средством достижения прочной классовой и супранациональной гармонии в России. (Я думаю, читатель отчетливо ощущает, что в этом «народничестве» заключено иное содержание, чем в западных социал-демократах или лейбористах, а также в отечественных идеологах «экспроприации» – это не «левое» направление, впрочем, как и не «правое», оно относится скорее к третьему измерению политики, третьему пути.)

Несомненно внутри соборной политической системы должны будут занять достойное место полномочные представители **традиционных религий, национальных фундаментализмов, корпоративных и местных укладов** – это целая плеяда так называемых «малых идеологий», неотъемлемо присущих русской цивилизации. Они могут вступать между собою в разнообразные коалиции и сочетания, с тем чтобы их соборный голос был лучше слышен и звучал как общее, выработанное в согласии мнение.

О принципе Августа

(небольшая историческая аналогия)

Вступление на путь консервативных преобразований предполагает возвращение к сложности системы, ее иерархичности, комплексности и корпоративности. Саботаж на любом из уровней этой сложной системы должен вызывать немедленную идеологическую реакцию системы. Это не обязательно сталинские репрессии или действия в духе «опричнины». Это могут быть репрессии не полицейского, а собственно идеологического типа, с упором на потерю статуса и конфискацию имущества, а не на ссылки и расстрелы.

Новый русский порядок должен быть таким, чтобы явные сбои в соборной работе институтов устранялись невзирая ни на какие внесистемные ценности. Страна должна стать единым организмом и работать как часы. Иного шанса у власти и народа просто нет. Чтобы соответствовать «новой сложности», нужно решительно изменить требования к качеству элиты. Обычно элиту подвергают ротации и репрессиям не из-за кровожадности, но потому, что она становится помехой органическому течению национальной жизни.

Аналогия с «опричниной» Иоанна Грозного является более чем приблизительной и, несомненно, она нежелательна в силу той, отчасти несправедливой, общераспространенной

оценки ее, которая доминирует в русской историографии. С легкой руки Н.М. Карамзина нашего царя Иоанна представляют в виде «романтического злодея».

Хотелось бы обратить внимание на другой исторический пример: подобную же задачу решал в конце I в. до н. э. Октавиан Август. Он не стал упразднить традиционные органы римского народовластия, но, поскольку они бесконечно воспроизводили гражданскую войну, он по существу дополнил их параллельной государственной системой, которая находилась под его личным контролем. Этот режим получил в истории название «принципат Августа» – фактически этот режим положил начало Римской империи, то есть образцовой, классической империи.

Эпоху принципата впоследствии воспринимали как время счастливой стабильности и тишины после целого века революций и братоубийственного кровопролития. Поэты воспевали эпоху принципата как «золотой век» империи, – однако, существенно то, что этот режим фактически покончил с исчерпавшей свой ресурс республиканской формой правления. Отучать римлян от привычной для них республики Август стал постепенно, всячески подчеркивая приверженность формально-правовой «старине». В этом ему помогал его последовательный религиозный и нравственный консерватизм, реставрация древних обычаев, апелляция к «духу народа». Современники отразили таинственную суть власти Августа, не вполне юридически ясной, через термин «авторитет» (*auctoritas*).

Вот как описывал ситуацию Светоний: *«Сенат давно уже разросся и превратился в безобразную и беспорядочную толпу – в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли „замогильными“ сенаторами. Он вернул сенат к прежней численности и к прежнему блеску, дважды произведя пересмотр списков... Некоторых он усовестил, так что они добровольно отреклись от звания... При себе он завел совет, выбираемый по жребию на полгода: в нем он обсуждал дела перед тем, как представить их полному сенату. О делах особой важности он спрашивал сенаторов...»*⁶

Выстраивая параллельное «государство в государстве», Август рекрутировал из разных сословий кадры новой администрации, подчинявшейся лично принцепсу помимо сената. По существу принципат оказывался системой политико-правового дуализма, или «диархией» сената и императора. Равновесие внутри этой двойственной системы достигалось за счет нескольких особых полномочий: Август стал пожизненным главнокомандующим армии и пожизненным народным трибуном. (Фактически он сконцентрировал в своих руках источники двух идеологем, о которых шла речь выше: «державничества», то есть *impregium*, власти над силовыми институтами и «социальной правды»; надо сказать, Август очень умело ими пользовался!) При этом Август неоднократно избирался и консулом, то есть на высший пост исполнительной власти – однако он всячески подчеркивал свое нежелание получать официальные «диктаторские» полномочия или какие-либо атрибуты, хотя бы отдаленно напоминающие атрибуты монарха.

Что касается материальной базы принципата, то Август разделил все приносящие доход провинции на две категории: подконтрольные сенату и подконтрольные императору. Это означало, что государство не устранялось из хозяйственной жизни, казна формировалась не только за счет налогов, но и за счет прибыли, получаемой от обширных государственных хозяйств.

Авторитет не может быть почерпнут из пустоты, авторитет черпается из национально-государственной традиции, возникает из права на ее олицетворение, а значит истолкование. Цезарь Август, творя

⁶ Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. – М., 1991. – С. 69–70.

по существу новое государственное целое, больше всего озаботился символической и духовной связью этой новизны с римскими традициями.

В чем смысл принципата? В противоположность закулисным интригам и олигархическим междусобойчикам, все члены Совета, принимающего государственные решения, известны населению.

Подлинный авторитет создают не столько их былые заслуги, сколько деятельность, осуществляемая у всех на глазах, здесь и сейчас.

«Свобода» эпохи гражданских войн приносила римлянам лишь несчастья, она стала для них проклятием. Август, взяв у римлян часть их «свободы», предложил им взамен другую ценность – «достоинство», «честь» римского гражданина. Люди должны захотеть пожертвовать свободой (на деле мнимой) ради патриотического достоинства, которое не может быть отнято ни при каких обстоятельствах, кроме неисполнения долга и измены.

Авторитет не может быть почерпнут из пустоты, авторитет черпается из национально-государственной традиции, возникает из права на ее олицетворение, а значит истолкование. Цезарь Август, творя по существу новое государственное целое, больше всего озаботился символической и духовной связью этой новизны с римскими традициями.

Последовательность действий

Идеологический критерий при формировании новой элиты является существенным – он обозначает переход от эпохи случайного отбора по принципу «профпригодности» и «личной преданности» к эпохе отбора содержательного, качественного, идейно осмысленного. Даже личная преданность должна в конце концов иметь одним из своих главных оснований преданность идее, программе, преданность не одному статусу государства, но и его **священному аспекту**, который определяет направление общего служения. Священный аспект обязывает ко многому: к тому, чтобы верховная власть сделалась защитницей традиции, защитницей морали, защитницей семьи, защитницей интересов тех, кто фактически строил историческую родину и наследует ее строителям. В этом заключается рациональный источник харизматичности власти (о ее иррациональных источниках речь сейчас не идет).

Создать параллельную элиту, не разрушая старую, можно именно на идеологическом фундаменте и с элементом харизмы в новом импульсе государственного строительства. Идеологический критерий новой вертикальной мобилизации должен сочетаться с другим важным требованием: остановить бесконечную «гражданскую войну» идей в России. Не стоит впадать в распространенную иллюзию, когда позднее заслоняет раннее: дескать, именно в современную нам эпоху мы выработали какую-то подлинно ценную, или подлинно гуманную систему. Нам нужно собрать свое прошлое, сфокусироваться на всем положительном, что было в разные эпохи, в том числе и в советское время, – нужно вооружиться константами национально-государственной традиции. Новая элита должна быть нацелена исключительно на созидание, на подготовку предпосылок для свежей и динамичной стабильности, а не на разрушительную критику прошлых эпох. По существу, в нашей истории был только один тип времен, которые мы должны изжить и более не допустить – это Смутные времена.

До сих пор в этом очерке речь шла о стратегических ценностях. Однако крайне важным для правильной реализации любой стратегии остается вопрос о тактике. Последовательность консервативных преобразований могла бы быть такой.

Во-первых, необходимо подготовить к ним общественное сознание. Поэтому ключевой и первостепенной сферой, в которой нужно осуществить решительный «консерватив-

ный поворот» (если не на 180, то на 90 градусов) – является сфера Слова. В СМИ, культуре, образовании, науке должны быть инициированы мощные программы оздоровления и очищения, проветривания нашего морального и интеллектуального пространства, поощрения и прямой пропаганды общественно полезных инициатив, создании культа духовных ценностей и соответственно «борьбы с грехом». Необходимо подобрать лучшие профессиональные кадры, которые идеологически близки доктрине преобразований. В сферу Слова придется направить первый «призыв» власти, потому что без обеспечения благоприятного информационного и духовного фона дальнейшее продвижение станет чрезвычайно трудным. Напротив, если общество свыкнется с консерватизмом в сфере слов, идей и образов – сопротивление преобразованиям со стороны идейных противников окажется вялым и неэффективным, а сопротивление со стороны коррупционеров и криминалитета и вовсе бесперспективным. Моральная поддержка народа делает здесь свое дело.

Во-вторых, с этим первым уровнем преобразований тесно связана задача создания в массовой культуре «образа будущего» России, вообще «нового образа России» как такового. Этот социальный заказ не только воодушевит народ, в особенности молодое поколение, но и позволит сформировать определенный международный стереотип «нового курса» России, который будет воздействовать на наших партнеров более мощно, чем любые дипломатические ухищрения.

В-третьих, как уже говорилось выше, необходимо будет запустить несколько масштабных мобилизационных проектов, как государственных, так и негосударственных (но с активным участием власти и общественных институтов). Должны быть созданы участки прорыва, деятельной «мобилизации», повышенного социального внимания. Целый ряд острых проблем нашего общества (как, например, демографический коллапс) на какое-то время прочно займет место среди подобных «участков прорыва».

Если посмотреть, что предлагают нынешние либертарианцы, мы увидим, что они дают «предельные», «метафизические» ответы на довольно-таки спорные, ситуативные вопросы, решаемые в разные эпохи и разными культурами по-разному. Так, например, сегодняшняя позиция Е. Гайдара: восторг по поводу плоской шкалы налогов, пропаганда либерализации иммиграционных правил (решение демографической проблемы за счет резкого притока русскоговорящих иммигрантов), переход на исключительно контрактную армию – все это не может не вызывать удивления у консервативно мыслящего человека. Откуда в наших «великих реформаторах» эта безапелляционная убежденность в универсальности исповедуемых ими ценностей?

В свое время Константин Леонтьев определил консервативную идею через емкий образ: «Россию нужно подморозить». На мой взгляд, Леонтьев был понят не вполне правильно (может быть, выразился неудачно?). Эта фраза означает вовсе не голое «отрицание нового», но скорее дезинфекцию организма и среды обитания.

Сегодняшний угар либерального консерватизма в России достиг предельной точки. Воздух очень спертый, тяжело дышать, да и теплолюбивые насекомые заедают. Подморозить не значит довести обитателей избы до простуды и могилы. Подморозить значит крепко проветрить избу, изгнать паразитов, покончить с угаром. Прежде чем обустроить, обогреть и осветить, нам нужно крепко проветрить Россию. Скорее уж «подморозить», продезинфицировать – с тем, чтобы опять принести дров и протопить печь.

Часть первая

Консерватизм в отдельно взятой стране

Третий полюс⁷

Что следует иметь в виду, когда мы толкуем о консерватизме

Не так давно руководители идеологического отдела одной из новых партий власти предложили мне принять участие в подготовке конференции по политическому консерватизму – с тем, чтобы в дальнейшем разрабатывать официальную идеологию партии (а значит, и государства). От других своих знакомых я также слышал о проявлении внимания к «серьезному» идеологическому консерватизму со стороны ряда представителей высшей политической элиты, в том числе в администрации президента. Был проведен даже некий конкурс работ на лучшую консервативную идеологию. Все это наводило на мысль, что в ближайшее время она будет сформулирована и заявлена в свежих и жестких формулах. Однако эти предположения не оправдались – оживление сменилось очередной идейной стагнацией.

Вотчина пиарщиков

Однако решать проблему выбора пути, формулирования национальной идеологии все же придется. Ключевым в этом разрезе оказывается вопрос наследства: СССР как наследник Российской империи и современная Россия как наследница СССР. Сама по себе эта постановка вопроса (если не брать узко юридическую сторону дела) является консервативной, связанной с видением политической ситуации в большой исторической перспективе.

По мере того как претензия советского типа модернизма на мировую революцию ослабевала, в нем возрастал неоконсервативный элемент, советский мир осознавался как особая цивилизация и приходила догадка, что она является исторической наследницей царской империи. Что было плохо в советской системе – «модернизм» или «консерватизм»? Ответ не очевиден. Но характерно, что глава государства всегда подчеркивает свое уважение к советскому прошлому, к госслужбе, к государственнымникам, к КПРФ; характерно, что он пошел на весьма болезненный для либералов символический шаг: на реставрацию государственного гимна – шаг по существу популистский. И все-таки до сих пор остается непонятным, является ли наметившийся сдвиг к консерватизму чем-то серьезным, идущим в русле русской исторической традиции, или же эти жесты оказываются временными попутчиками популизма в сфере символов и прагматизма в деле укрепления вертикали власти. Идеологическая лаборатория путинской команды на сегодня – «фабрика компромиссов», по выражению одного из функционеров президентской администрации.

Консервативная «ниша» в России как исторически, так и актуально имеет огромную идеологическую и психологическую емкость. Я убежден, что если у нас все-таки выйдет на авансцену серьезная консервативная идеология, то ответ на нее снизу будет самым благоприятным. Пока же консервативные ходы в политике используются как элементы политехнологий, и не более того. В 90-е годы это был, с одной стороны, консерватизм национал-патриотического блока – «красный» консерватизм, сочетавший неумелое троеперстие с посещением Мавзолея, а осторожные и неубедительные речи про тысячелетнюю империю – с верностью марксизму. Перспективный в принципе, этот путь синтеза неоконсерватив-

⁷ Впервые опубликовано в журнале «Эксперт» (№ 10 (317) от 11 марта 2002 г.).

ной идеологии оказался заложником нетворческого аппарата компартии. С другой стороны, выдвинулись неприглядные для консервативно мыслящего российского человека «правые» младореформаторы, и возникла путаница. Назвавшись правыми, Гайдар, Немцов, Кириенко, Чубайс окончательно дезориентировали обывателя, отодвинули куда-то в туманное прошлое тот факт, что либералы-западники в России никогда так не именовались. Этим лишний раз подчеркнули, что в России нет заслуживающей внимания политической традиции и можно без обиняков взять американские термины «правизна» и «левизна» и просто пересадить их на нашу почву. Очень характерная позиция для якобы «правых». В 90-е годы существовали также карликовые политические движения, употребляющие идиомы консерватизма, такие воззрения симулировались и в предвыборной риторике генерала Лебеда и Владимира Рыжкова, но на этом сейчас нет смысла задерживать внимание.

Вполне вероятно, что, с точки зрения кремлевских политтехнологов, популизм начала века должен отличаться от популизма конца 80-х годов – тогда политика питалась антикоммунистическими ожиданиями, теперь – если не антилиберальными, то, во всяком случае, нелиберальными. Пройдя полукруг от планового социализма через рыночный капитализм, стрелка политических часов стала клониться к третьему полюсу – полюсу консерватизма. Рубежным стал 2000 год, когда довольно резко поменялся тон многих публицистов. Вчерашние проповедники либерализма стали наперебой угадывать идеологию, таящуюся в сердце загадочного и. о. президента, вскоре ставшего полноценным президентом. Большинство сходилось на «либеральном консерватизме».

Политтехнологи взялись за дело более круто – они сразу принялись объяснять всем политику нового курса и даже строить смелые проекции, подчас заигрывая с запретными темами. Так, директор Института политических исследований С. Марков в 2000 году говорил, что Путин станет лидером нового корпоративного государства, чем-то вроде «Муссолини, но более или менее цивилизованным», как он выразился.

Надо сказать, что ожидания и предчувствия были не совсем безосновательны. Другое дело, что отличить, где проявилась личная воля президента и его команды, а где продолжался псевдоконсервативный пиар, оказалось нелегко. Политолог А. Морозов правильно заметил, что «путинский неоконсерватизм от начала и до конца создан современными специалистами медийной борьбы», и перечислил неоконсервативные черты нового курса именно как элементы своего рода культурологической кампании, своего рода нового популизма: «Как „неоконсерватор“ Путин позиционирует себя соответствующим образом: летает на истребителях, повторяет слова императора о том, что „у России два союзника – армия и флот“. Он не только утверждает, что „Россия – европейская страна с христианскими традициями“, но и летит в Псково-Печерский монастырь за благословением к самому почитаемому современному старцу о. Иоанну Крестьянкину. Путин встречается с Солженицыным, а правительственные СМИ толкуют курс восстановления вертикали власти с помощью учения о государстве Ивана Ильина».

Закон маятника

Специалисты, которым было поручено проработать новые идеологические задачи, должны были сразу столкнуться с проблемой выбора, поскольку консервативная парадигма неоднозначна и включает в себя совершенно противоположные идеологии. Понятно, что «ситуационный» (модернистский) консерватизм должен был показаться наиболее подходящим для новой политической технологии, поскольку он представляет собой идеологию стабилизации сложившихся на данный момент отношений, идеологию, которая опирает проект государственного строительства на фундамент фиксируемого здесь и сейчас согласия, *status quo*, – с гарантией, что не будет репрессий и «пересмотров» итогов.

Однако этот напрашивающийся выбор имел свою слабую сторону – либеральный консерватизм не укоренен в российской почве, не вписывается в русскую историческую традицию, мало согласуется с наследием наших консерваторов. Дело в том, что в XX веке Россия и Западная Европа пошли разными путями: западное консервативное движение раскололось на «консервативную революцию» и «либеральный консерватизм», в России же произошла по существу «радикальная революция». Приблизительные аналоги разошедшихся западных идеологий русская интеллигенция породила уже в эмиграции (аналогом консервативной волны были «правые» евразийцы, либеральные же консерваторы были представлены такими мыслителями, как П. Струве и С. Франк). Но в самой жизни России (СССР) даже приблизительных подобий этого расколовшегося на части консерватизма не было.

ТИПЫ КОНСЕРВАТИЗМА

Религиозный (ориентируется на Священное Предание и каноны).

Контрреволюционный (прикладной в рамках борьбы за реакцию).

Реставрационный (то же, что контрреволюционный, только в более мягком варианте).

Романтический (культурный традиционализм, полагающий иерархию своих ценностей в прошлом).

«Ситуационный» (он же консерватизм модернистского типа, стремящийся к сохранению существующего баланса сил; его разновидности – либеральный консерватизм, неоконсерватизм, «„партийный“ консерватизм», то есть действующий в рамках парламентской системы, довольствующийся ею; в наиболее выпуклом виде неоконсерватизм проявился в курсах Рейгана и Тэтчер).

«Консервативная революция» (идеология крайне правых в XX веке – стремление обуздать либеральное общество с помощью идеократий, новых «аристократических» групп, опирающихся на поддержку широких масс; оказала большое влияние на идеологов фашизма, национал-социализма, франкистов в Испании).

Нарождающийся постбуржуазный (под его знаменем может реализоваться проект новой иерархии, нового мирового порядка, по существу кастового или кланового; эта линия ассоциируется с курсом Бушей – отца и сына).

На Западе после победы над фашизмом «консервативную революцию» загнали в подполье, «правые» в собственном смысле оказались дискредитированы (хотя это и нельзя признать оправданным и справедливым в отношении «правых», отнюдь не тождественных фашистам). Поэтому традиционную политическую нишу занял либеральный консерватизм, впоследствии узурпировавший право отождествить себя с неоконсерватизмом вообще и выступивший на парламентском поле как второй полюс по отношению к социал-демократии. Либеральный консерватизм лег в основу современных версий идеологии английских тори, американских республиканцев, немецких христианских демократов. Но у нас-то, не пройдя через «консервативную революцию» и первоначальный либерализм, невозможно прийти и к органическому либерал-консерватизму. Скорее наоборот – в силу того, что Россия вкусила и «революции» (не консервативной), и «либерализма» (сначала радикально-социалистического, затем радикально-рыночного), теперь по закону маятника настает очередь какого-то нелиберального и неревolutionного консерватизма.

Не наш путь

Сегодня консервативная идея может входить и войдет как составная часть в любую вновь изобретаемую идеологию. Следовательно, дело не в самом *декларируемом* консерватизме, а в том, кто и ради чего берет его на вооружение. Неоконсерватизм в его постмодерном варианте – это лукавая идеология. На первый взгляд это умудренный модернизм, отказывающийся от жестких и непримиримых методов отцов и прислушивающийся к голосу дедов-консерваторов. Но признание некоторых консервативных ценностей происходит в постмодернизме «постфактум» – когда все новые революции (окультиная, сексуальная, психологическая) уже победили.

На фоне плюралистической «революции» начала 90-х советское общество могло показаться каким-то оплотом консерватизма, однако по существу это была, конечно же, сложная смесь, химера, соединившая в себе, например, четкие черты интернационализма и шовинизма, идеологемы гуманизма и авторитаризма. Наивен тот, кто видит в этом лишь лицемерие, но не видит естественной для модернистской системы внутренней связи. Наивен и тот, кто на пороге XXI века не считает возможным появления гибридов типа **«космополитическая диктатура» либо же «демократический фашизм»**.

Сегодня уже можно говорить о мутации американского либерального консерватизма, перерождающегося в новый корпоративный порядок. Постмодернистский (постбуржуазный) консерватизм, который зарождается в США, – это развитой официальный глобализм, который выстраивает новую социальную иерархию с новой кастовостью. Неoliberalизм уже давно пришел к тому, что духовная культура сводится к механизмам коммуникации, а наука – к практической магии и манипуляции массами. Новая кастовость означает, что в мире на международном уровне закрепляются роли стран-капиталистов и стран-пролетариев, стран-господ и стран-изгоев. На уровне микросоциальном это означает новую степень контроля над личностью. С одной стороны, происходит отрезание низов (низших каст и низших наций) от уровня согласования и принятия решений, с другой – установление всеобъемлющего контроля за управляемыми. Империалистическая претензия выходит на передний план и не просто призывает, а именно принуждает к участию в мировой системе, к сотрудничеству с ней. Американские самолеты разбрасывают над Афганистаном листовки: «Выдайте талибов и боевиков „Аль-Каиды“ или будете уничтожены».

Сам по себе корпоратизм и сама кастовость – это признаки сверхконсерватизма, опрокидывания истории в архаические формы. Специфика ситуации состоит в том, что в западной культуре изживание архаики было сопряжено с развитием христианства. Но сегодня скатывание к архаике будет означать не возвращение к христианским истокам, а торжество оккультно-неоязыческой духовности. Глобальная панатлантистская система – это мутант современности, вырождение ее в «новое средневековье», но не в то, о котором мечтал Бердяев, а в постмодерное, постиндустриальное, технотронное «средневековье Антихриста» с закрытой системой глобального беззакония. Это будет нечто среднее между поздней Римской империей с ее плюрализмом и «постхристианским» средневековьем, средневековьем колдовства и суеверия, но без покаяния, средневековьем безразличных к Богу, но верящих в черта.

Что же касается России, то «либерализм» здесь никогда не был на практике идеологией перенесения западных системных отношений на нашу почву. Хитрость либерализма в том, что он принципиально неодинаково работает в обществах, которые в разное время приступили к своей модернизации. Либерализм для метрополии и либерализм для стран следующих эшелонов модернизации – это два принципиально разных стандарта. Впервые на это указал выдающийся русский мыслитель Николай Трубецкой, а впоследствии его идеи под-

хватили многие зарубежные идеологи и социологи, причем более активно – в «развивающихся» странах. То, что для нас либерализм и «приобщение» к цивилизации, говорил Трубецкой, для самих европейцев не что иное, как романо-германский шовинизм.

Оказывается, уже в обществах второго эшелона модернизации (Германия, Япония, Россия) возникла мощная реакция отторжения на либерализм, поскольку он ставил их в неравные условия, вгонял в прокрустово ложе транснациональной экономической системы. Что же касается стран третьего и четвертого эшелонов, то они вообще не могут надеяться органично вписаться со своей модернизацией в мировую систему. Издержки такой модернизации, диспропорции в развитии третьего мира слишком велики – утрата традиционной культуры, отказ от святынь и старых ценностей накладывается в этих обществах на сомнительные радости неразвитого индустриального уклада. Отсюда радикализм исламских государств, «иранская революция» Хомейни, «Талибан», тяга афро-азиатской политической элиты не к либерализму, а к политическому «традиционализму».

Представители же первенствующей сегодня цивилизации хотят воевать так, чтобы быть неуязвимыми для врага. Они хотят «бить лежачего». В бизнесе они хотят играть в таких соотношениях и по таким правилам, что конкурент практически не имеет шансов. В духовном противостоянии они хотят прийти на чужую почву, купить местные власти и заставить их обеспечить им все условия, чтобы их никто не обижал, и чтобы их допустили к потенциальной пастве – неокрепшим юным душам. Так что о «честной конкуренции» после распада Советского Союза нет и речи. Коренная ошибка искренних либеральных консерваторов, которые пытаются при этом остаться почвенниками, в том, что они не сумели соизмерить принцип конкуренции с фактором богатства.

Но и богатство бывает разное. Богатства и ценности, если их носитель и владелец не готов к самопожертвованию, обесцениваются. Потому что не все ресурсы жизни могут быть переведены в деньги. В знаменитом стихотворении Пушкина последнее слово остается все-таки не за деньгами: «Все куплю, – сказала злато. Все возьму, – сказал булат». Лицемерие либерализма не беспредельно – на смену ему приходит неоконсерватизм, причем в Америке, в Европе, в России он может быть очень разным, вплоть до противоположности.

Консерватизм модернистский (ситуационный) статичен: его задача – притормаживать становление новых общественных форм, путем компромиссов и уступок сглаживать процессы неолиберальных революций. В этом и состоит главная задача либеральных консерваторов. Серьезный же консерватизм должен быть динамичен, цель его – выработать долговечные формы социального взаимодействия, воплотить в современных условиях русскую политическую и культурную традицию, возродить нашу самостоятельную цивилизацию и обеспечить ей прочное будущее.

Наш путь

Серьезный консерватизм – это, безусловно, не идиллия. В современном обществе он не может в мгновение ока достичь своих сверхзадач. Однако консервативная идеология немедленно потребует от государства ставить перед собой более существенные стратегические цели, чем обслуживание «свободного рынка». Главная задача государства – не угождать своей элите, но указывать ей ее настоящее служение и собирать нацию с помощью продуманной системы духовно-политических символов, которые для консерватизма не являются пустым звуком, но бесконечно значимы.

Консерватизм просто совпадает с религиозным традиционализмом в том, что касается борьбы с грехом (неважно, к какой конфессии принадлежит консерватор, – он не может не чувствовать этих нравственных соответствий). Ведь борьба с грехом – отнюдь не только частное дело человека. Можно вспомнить в первую очередь, что сребролюбие и блуд – грехи,

тогда как современное либеральное общество, похоже, забыло эту истину и не желает о ней вспоминать. Трудно себе представить, насколько оздоровится атмосфера в обществе, если государство сделает хотя бы две эти истины мотивами, определяющими его политику в том, что можно назвать сферой Слова (которая в современном мире является по совместительству и сферой универсального Символа, аудио- и видео-Образа).

Серьезные консерваторы, несомненно, провели бы существенную перестройку прежде всего в области массовой информации, изменили бы ориентиры государственной политики в области культуры, образования, просвещения, науки и религии. Эти направления – ключевые для серьезного консерватизма, поскольку он уповает на воспитание новых поколений в духе традиционных ценностей, а не на спонтанный и, как уверяют либералы, «естественный» самоотбор, не на самоорганизацию социальной стихии. Консервативную контрреволюцию в умах можно осуществить только сверху и только в течение немалого времени. Однако здоровые плоды появились бы уже и в первые годы консервативных преобразований.

В отличие от консерватизма парламентского, берущего на себя, по выражению Эрнста Юнгера, роль шута в либеральном светском обществе, задачей серьезного динамического консерватизма будет не развлечение публики, а сворачивание общенациональных демократических процедур. Выборная демократия для настоящих консерваторов не может быть идолом, но может быть рычагом для решения определенных социальных вопросов, как то: организации земств, муниципалитетов, автономии «малых укладов». Идея представительства сохраняет большое значение, однако таким образом не должна формироваться законодательная ветвь власти. Сверхзадача консерватизма в этой области – национальное собрание, земский собор, «генеральные штаты», орган сословно-корпоративного волеизъявления.

Демократия имеет смысл там, где она может быть наполнена живым общественным содержанием. В последние же годы все больше людей осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избранников становится катастрофическим. По существу и для власти, и для народа выборы становятся тягостной формальностью, добровольно взятым на себя ритуалом поддержания демократических приличий.

Положительная программа серьезных консерваторов – приоритет национальных интересов, государство, вера, семья, нравственность, порядок, социальная ответственность индивида, терпимость, духовность, служение (служба); в области культуры – традиционность и мораль; в области экономики – дисциплина и прозрачность (публичность) административных решений. Здесь консерватизму приходится бороться с мифом, что регулирующие механизмы государства сковывают частную инициативу. На деле инициативу сковывает «либеральное» (в российском варианте) государство с его вседозволенностью и коммерциализацией санкций. Консервативное же государство сковывало бы не частную инициативу предпринимателей, а администраторов в проявлении их «частной» инициативы, которая является сегодня причиной коррупции и социальной неправды. Укрепление государственности не означает усиления автономности и самодостаточности чиновника, но ровно наоборот – его ответственности и зависимости от тех, кто стоит выше, и от того, что происходит внизу. Укрепление государственности означает укрепление политической воли, а не выпуск новой серии негласных индульгенций на экономические злоупотребления.

Консервативная власть, несомненно, сделала бы большую ставку на репрессивный аппарат, поскольку по мере приближения к своим сверхзадачам она встретила бы серьезное сопротивление в толщах административных структур и в ряде криминальных кланов. Вместе с тем и здесь можно говорить о жестком и мягком варианте кадровых чисток и потрясок. В такого рода сложных процессах, как показывает исторический опыт, большую роль играют репрессии не полицейского, а идеологического типа. Чиновник должен быть не посредником между властью и обществом, не «полупроводником», но качественным транслятором социальной информации. Он должен «служить» и, по сталинскому выражению,

быть «винтиком» – это высказывание отнюдь не лишено смысла в отношении оперативных обязанностей бюрократии.

Сверхзадачей серьезного консерватизма стало бы определенное ограничение свободы слова и совести – не в смысле ограничения прав личности, но в смысле вмешательства в складывание рынка информации и формирование духовной культуры, активного участия государства в их регулировании. Надо сказать, что нынешняя политика власти в области крупных СМИ частично соответствует этому подходу, но остается непонятным, чего в этой политике больше – банального прагматизма или консервативных замыслов. Регуляция может быть жесткая (цензура, запреты, ограничения) и мягкая (воздействие через финансовые корпоративные рычаги, давление на бизнес и менеджмент, ответственный за нарушение должного порядка, система предупреждений и ликвидации лицензий и т. п.).

В свое время Жозеф де Местр писал, что контрреволюция не противоположна революции, но самостоятельна. Ведь только революционные идеологии строятся по принципу: чем «левее», тем лучше. Серьезный, по-настоящему динамический консерватизм не существует по принципу: чем «правее», тем лучше. Он исходит из конкретной ситуации. Должна ли быть введена какая-то тематическая цензура – зависит от состояния нравов в сфере массовой информации и книгоиздания. Должна ли свобода в одинаковой мере распространяться на все организации, называющие себя религиозными, – это зависит от состояния традиционных конфессий: если они ослаблены, пережили тяжелые времена, то их нужно поддержать в ущерб заезжим миссионерам и изобретенным вчера религиозно-финансовым пирамидам. Должны ли существовать лимиты в отношении свободы перемещения (получения постоянного места жительства) – по всей видимости, они могут быть сняты только при достижении очень высокой социальной стабильности. Должна ли быть армия призывной или профессиональной – это решается в зависимости от комплексной военной доктрины.

Все больше людей осознает абсурдность существующей системы выборов, в которых отчуждение избирателей от избранников становится катастрофическим. По существу и для власти, и для народа выборы становятся тягостной формальностью, добровольно взятым на себя ритуалом поддержания демократических приличий.

На такие вопросы не может быть «метафизических» ответов, здесь нет однозначного мерила и критерия абсолютного социального блага.

От Думы к Собору⁸

Политологическая фантастика ближнего действия

Сдвиг к неофундаментализму

Русский неофундаментализм – пока туманно просматривающаяся, но уже ощутимая государственная идеология, которая позволит по-новому вписаться и в международную ситуацию. Государственность все больше осмысливает себя в качестве носительницы самостоятельной цивилизации, освобождающейся от остаточных явлений «переходного» (постсоветского) периода. Этот сдвиг является не капризом элиты и не капризом электората, а современным и своевременным (скорее даже запаздывающим) ходом в развитии нашей политической системы.

Вообще нужно вести речь о «фундаментализмах» во множественном числе, поскольку можно найти разные фундаменты реставрации и реституции традиционных ценностей. Либо же можно говорить о комплексном неофундаментализме. Главным итогом выборов в Думу я бы назвал наметившийся в государстве Российском сдвиг к именно такому комплексному неофундаментализму, который видит Россию более автономной, более дистанцированной от Запада и в этом смысле менее жестко привязанной к внешней политике. Новая политическая система России будет строиться исходя из внутренней политики к внешней, а не наоборот (наоборот было при главенстве идеи «мировой революции», «обгона Америки», натужного «вхождения в круг цивилизованных государств»).

В то же время происходящий сдвиг имеет ярко выраженные внешнеполитические основания. Так, в частности, США все дальше перемещаются в зону идеологического неофундаментализма, подавая тем самым пример всем иным цивилизациям.

Постсоветский (он же постмодерный) период заканчивается, наступает время собственно новейшей русской истории, когда государственность будет находить органичные формы, отвечающие долгоиграющим константам нашей политической и жизнеустроительной культуры. В новейшей политической системе России будут свои крылья, своя голова, свое туловище политического организма, не похожие на западные образцы.

Несмотря на пугающее название, фундаментализмы могут быть определены в широком смысле как серьезное, вдумчивое отношение к традиционным ценностям. Неофундаментализм в отличие от просто фундаментализма строится как преодоление модернистского проекта, как осознание исчерпанности и внутренней опустошенности этого проекта. Для неофундаменталистов модернизм перестает быть актуальным социально-политическим мировоззрением, уходит «на пенсию» идеологий. Если же он сопротивляется, то сегодня это означает уже не былую здоровую агрессивность, но злонамеренную и ядовитую профанацию, негативную фазу пустотного, паразитического постмодерна, лишенного духовных и идейных ресурсов, цепляющегося за внешние рамки своего существования.

В XX веке русская цивилизация была то и дело вписываема в некий универсальный интернациональный проект (марксистской революции, социал-демократического переустройства мира, «нового порядка» Третьего Рейха, позднесоветского мутирующего дуполярного «сдерживания», неолиберальной глобализации). Могут быть проекты менее масштабные, которые, тем не менее, остаются по своей природе модернистскими: жесткое согласование внутренней экономической политики с институтами Бреттон-Вудс, контроль

⁸ Статья впервые напечатана с сокращениями на портале «Русский журнал» 29 декабря 2003 г. Здесь ее текст приводится полностью.

за нераспространением атомного оружия, соблюдение экологических протоколов, несение ответственности перед институтами, следящими за соблюдением прав и свобод, жесткое участие и своего рода «круговая порука» в антитеррористической коалиции и т. п. Все эти сети еще крепки и могут даже казаться сетями, оплетшими мир (особенно это относится к «антитерроризму»), однако на деле они являются сегодня рудиментами интернационализма XX века. Настоящий неофундаментализм может частично участвовать в некоторых из этих малых модернистских игр, но только на взаимовыгодных условиях и не слишком серьезно. В случае необходимости он проигнорирует мнение как крупных чиновников международных институтов, так и ближних и дальних соседей.

Противостояние НАТО и Варшавского договора были последним и предельным выражением модернистского двуполярного проекта. После крушения этой системы произошло хотя и не молниеносное, но реальное распадение модернистского проекта в целом. Это был распад не в постмодерн (или постсовременность, как считали мыслители-проповедники «конца истории»), а распад **через постмодерн** к новой истории, к новому «началу» истории.

Неофундаментализм является аллегорией самодостаточной цивилизации, суверенитет которой не подлежит сомнению. Есть суверенитет юридический, существующий для удовлетворения правовых амбиций малых государств-наций, но есть суверенитет, наполненный более существенным содержанием – цивилизационный, основанный не на воле наций к самоопределению, а на доказавшей себя идентичности существующих больших историко-культурных миров.

Сегодня распад модерна закончен и начинается движение к неофундаментализму всех участников мировой жизни. Впереди идут Америка и Европа, за ними идут уже Китай, Россия, Япония, Индия, исламский мир. Однако все мы пойдем за ними на этот раз не как западники. Потому что в отличие от модернизма неофундаментализм у каждого свой, он не терпит подражаний (консерватизм, традиционализм, ортодоксию с Запада не позаимствуешь, это могут пытаться делать только в кабинетных условиях).

Поражение партий масонского образца

Самым существенным и мало замеченным фактом последней избирательной компании стало то, что в парламенте не только не осталось партий, навязчиво присваивавших себе имя «правых», но и осталось очень мало тех, кто по традиции именовался «левыми». Иными словами, определение «правых» и «левых» в отношении парламентского расклада сил устарело. Это связано с глубоким кризисом парамасонской политической традиции в России. Собственно «лево-правые» ориентации в отношении политики идут вовсе не от первых европейских парламентов, а от тайных организаций, в которых левые и правые крылья существовали изначально и рассматривались как внутренне единые и необходимые друг другу диалектические полюса социальных преобразовательных движений. В этом собственно и состоит ключевая парадигма модернистского проекта.

Хочу оговориться, что, на мой взгляд, теория масонского заговора слишком сильное, слишком параноидальное объяснение происходящего и происходившего в России. Запад в Смутные времена в России всегда поддерживает раздробляющий государство олигархизм, «семибоярщину», «семибанкирщину», режим многовластия. Было бы странно, если бы Запад не поддерживал подобные институты и не преследовал через них соблюдения своих интересов.

Дело не в заговоре, а в реальном наполнении интеллектуальной жизни, в том числе жизни русской интеллигенции, просветительскими и якобинскими архетипами. Сила этих архетипов в том, что они до сих пор действуют бессознательно и через бессознательное. Однако, традиционализм и неофундаментализм внутренне не описываются в катего-

риях «правое-левое», поскольку для них различные органы единого политического целого выстраиваются по принципу открытой иерархии, а не по принципу «винта», «симметрии», «равенства полюсов».

Сегодня проиграли партии-носители архетипа политического масонства. Так, КПРФ и «Яблоко» – классические партии масонской традиции (загадочное родство между этими двумя фракциями многими ощущалось, но не формулировалось ясно, обычно искали в «Яблоке» социал-демократические нюансы или в КПРФ – либеральную закваску, но все это было не слишком зорко и чересчур приблизительно). КПРФ на сегодня остаточное явление старой системы, осколок советского айсберга, последний инертный оплот модернизма в России.

СПС – современное неолиберальное крыло того же модернистского архетипа, которое в наибольшей мере соответствовало постмодерну разрушению советского уклада и возглавило это разрушение. Роль гайдаровского направления в России была чисто отрицательной, разрушительной. Все положительное в этом направлении связано с анестезией демонтажа, а вовсе не со строительством государства. Закрытие «ненужных» предприятий, сворачивание «ненужных» отраслей экономики, социальная поддержка низших слоев и компенсации фактически «ненужному», «списанному со счетов» поколению россиян, в то время как новую Россию можно строить только в расчете на новое поколение – все это прямо и недвусмысленно было заявлено ведущими идеологами данного направления.

Однако то, что делала «правая» рука, незаметно одобряла рука «левая», коммунистическая. Поэтому реальный вызов либерализму был брошен не со стороны Зюганова и его патриотического окружения, а со стороны сначала Президента в его антиолигархической политике и теперь со стороны думских неополитических фундаменталистов.

Коммунисты играли в 90-е годы свою часть негативной, разрушительной политической драмы: своей риторикой долгое время они **не давали выйти на авансцену русской политической жизни «третьей силе»**, силе неополитической. Однако, дело опять же не в заговоре, а в том, что КПРФ, сама того не сознавая, в силу своей инертности и анахроничности своих идеологов, продлевало жизнь двоичной «лево-правой» политической картинке, самодовлеющей, оторванной от реальной жизни нации, оставляющей населению России только чувство безысходности.

Итак, на смену парамасонскому архетипу приходит неополитический фундаментализм, который уже сегодня представлен несколькими партиями, хотя представлен ими и неадекватно. Так называемая «партия власти» все больше превращается в носительницу полубессознательного, но вполне реального **«бюрократического фундаментализма»**; бюрократия осознает самое себя как внутренний оплот государства и цивилизации и стремится к облагороженной манифестации своей миссии – «госслужбе», «служению Отечеству» и т. п. ЛДПР несет в себе виртуальный, **постмодерный фундаментализм**, который сразу же лопнет при реальном утверждении в идеологическом поле подлинного, реального политического фундаментализма. Напротив, блок «Родина» выглядит сегодня как **инкубатор и лаборатория национального, религиозного, корпоративного фундаментализмов**. В этой точке политического спектра происходит настоящая выработка официальной идеологии России зрелого путинского периода. В этом и только в этом смысле «Родина» наследует так называемым «правым» («Яблоку» и СПС), она становится источником истории в России, тогда как ушедшие из парламента партии перестают быть таковым источником. Администрация Президента, которую обычно рассматривают как наиболее творческую группу в политической элите, на самом деле очень чувствительна к перепадам общественных настроений; после отставки Волошина эта структура сама находится в открытом, нефиксированном состоянии.

Чубайс был прав, когда обвинил блок «Родина» в «национал-социализме». Однако, правота Чубайса должна быть оценена не как правота аналитика, наблюдателя, а как правота

последнего «рыцаря» парамасонской традиции в России. В этой традиции термины «национал-социализм», «фашизм» или «ур-фашизм», согласно крупному магистру этой же традиции итальянскому писателю и ученому Умберто Эко, являются не категориальными, но соотносительными понятиями. Так положено именовать всех, кто «выходит за пределы терпимого», всех, кто «чрезмерен», с точки зрения неолиберальной политической культуры. Открытый неопундаментализм конечно же выходит за пределы терпимого, с точки зрения модерна.

Может ли возродиться в России идеология, преемственная в идейном плане по отношению к парамасонству? Это как раз те идеологии, которые принято называть «новыми левыми» и «новыми правыми». Возможно, сегодня подобные силы могут явиться как плеяда российских антиглобалистов. Линия Президента Путина на сегодняшний день поразительно сочетает в себе «новые» правые и левые внешнеполитические мотивации: тесное партнерство с атлантизмом и вхождение в европейское содружество, глобальный антитеррор сочетается с проповедью многополярности. Нетрудно догадаться, что подобное дипломатическое балансирование между противоположностями может скрывать за собой созревающий государственный неопундаментализм. Сила этой идеологии не в бряцании оружием, а в подспудном накоплении ресурсов.

Векторы бюрократический и идеократический

Можно указать два главных вектора смещения от Думы к Земскому Собору.

Первый из них – бюрократический – олицетворяет главный победитель выборов, «Единая Россия», зависшая в идеологическом смысле между идеалами общества и общности. В строгом смысле единороссы – это не «партия власти», а «партия узаконенной коррупции». Они движутся не сверху, они движутся вверх: из области администрирования в область публичной политики, из области «услуг населению» в область «национальных героев» и «вождей». Главная проблема этой партии – отсутствие адекватного теоретического самосознания, однако эта проблема была искусственно заморожена, поскольку партийные лидеры сочли за благо занять выжидательную позицию в деле идеологического строительства.

Мотивация единороссов предполагает совсем не «масонский» архетип, поскольку она не зиждется на понятии общества, а несет в себе идею сквозного представительства своей корпорации, своей стаи, своего клана на всех уровнях национальной жизни. Главное стремление «Единой России» как тотальной системной силы – узаконивание сложившегося в российской жизни кланового статус-кво.

Большинство деятелей «Единой России» наверняка впишутся в будущий Земский Собор, однако, они уже не будут носителями интересов коррумпированных кланов. В перспективе неопундаментализма коррупция мечтает стать цивилизованной и легитимной силой, то есть перестать быть собой. Судьба этого направления в России, несмотря на все либеральные проповеди, так и не превратиться в олицетворение «общественного мнения», но сложится в адекватную русской цивилизации **органическую силу общности**.

Формы «общности», «общака», «общины», казалось бы архаические, на деле неустрашимы из российской политической жизни. Проблема единороссов в том, что они комплексуют перед химерой «общественного мнения», которой либералы через свое влияние в СМИ пытались подменить реальное «мнение народное». Хороший бюрократ несовместим с этой химерой и не постигает ее. Он не видит перехода от клана и корпорации к «общественности». И в этом заключается сила и правда бюрократа. «Единой России» следует осознать себя как движение бюрократического неопундаментализма, осознать бюрократизм, управление и корпоратизм как свою главную антропологическую и духовную ценность и не стесняться этого.

Второй вектор движения к Земскому собору – идеократический. Его носители – это народные трибуны, проповедники, а не бюрократы. Однако те и другие нужны друг другу и дополняют друг друга. В 90-е годы на пустом поле идеократического творчества процветал В.В. Жириновский. Хотя в целом его ЛДПР является не менее симулятивной политической силой, чем КПРФ или Яблоко, однако, культурологически она была более грамотно выстроена. ЛДПР – это самая игровая, самая постмодерная партия, симулякр симулякров. Живучесть Жириновского связана с неустрашимостью провокаторского архетипа в российской политической традиции. Провокаторы необходимы России, являясь частью этой глубинной традиции. Но их миссия в спокойные, несмутные времена – находиться в тревожащей власти оппозиции, в подполье. Только в условиях постмодерной думы, в условиях искусственной системы политических представительств они становятся партией маргиналов, партией русской черни, ключевой партией политического спектакля и театра.

В этом смысле во время последних предвыборных теледебатов произошел знаменательный случай: Жириновский, наконец-то, столкнулся с реальной угрозой быть избитым в кулуарах телевизионной студии (представителем блока «Родина» Андреем Савельевым)⁹. Почтенный актер политического театра, выплескиватель стаканов и таскатель за косы и вихры, на этот раз не на шутку испугался реального мордобоя, что было заснято на пленку и показано уже после выборов.

Блок «Родина» набрал вес не за счет идеологии, а за счет набора убедительных лиц, каждое из которых несет в себе неразвернутую до конца идеологию. Этот блок напоминает собой пока лишь инкубатор новейших идеологий России XXI века. Из «Родины», как из большого бутона, может развиваться целый ряд новых политических направлений. Главная проблема «Родины» и близких ей союзных политических сил – практическое отсутствие серьезного влияния в общенациональных СМИ. Это обстоятельство будет объективно тормозить развитие политической жизни. Как только эта проблема получит свое частичное решение, картина станет меняться очень быстро.

Попробую произвести прогностическую реконструкцию этого развития и показать, какие политические силы разовьются из зародыша «Родины». На мой взгляд, это будут **идеократические фундаментализмы**, которые, однако, сразу выступают не в отдельном, абстрактно-обособленном существовании, а в облике неких союзов (симбиозов).

Во-первых, это национально-государственный фундаментализм, понятый как возрождение традиционно империалистической линии российского (и советского) государства. Это линия Ивана Грозного – Николая I – Сталина. В основе этой идеологии лежат славные победы русского оружия, традиции очищения от ересей, «правых» и «левых» уклонов, формирования «генеральной линии», политической ортодоксии, монологического державного пространства. Учитывая современную технологическую базу, эта версия неополитического фундаментализма может быть весьма утонченной и деликатной, так что ассоциации с «опричниной» XVI века или с НКВД Ежова и Берии могут оказаться слишком грубыми и неточными.

Во-вторых, это религиозный фундаментализм, который будет основываться на союзе традиционных конфессий, то есть православия, ислама и буддизма. Иудаизм и католичество с трудом укладываются в эту парадигму, им скорее будет отведена роль образцово-показательных маргиналий. Не меньшую, чем две эти малочисленные, но амбициозные конфессии, проблему для будущего министерства по делам вероисповеданий могут составить некоторые протестантские общины (баптисты, пятидесятники), так что здесь есть задел для политического творчества.

В-третьих, это малые корпоративные и национальные фундаментализмы: здесь блок «Родина» вступает в смычку с бюрократическим фундаментализмом единокорпусов и может

⁹ Несколько позднее их схватка все-таки состоялась – уже в стенах Госдумы, прямо в зале заседаний.

до неразличимости срастаться с ним, в зависимости от конъюнктуры. Наполнение программы реставрации корпоративной иерархии в России может быть различным. Однако существо этого наполнения вполне ясно: речь пойдет о восстановлении имперского хозяйственного и технологического пространства в опоре на существующие корпоративные, национальные, локальные уклады. Ясно, что обслуживание государственного неофундаментализма потребует решительных инвестиций в ВПК и смежные высокотехнологичные отрасли на уровне, не уступающем советскому. Восстановление и развитие многоукладного имперского хозяйства будет определяться геоэкономическими мотивами, и темп политического обустройства империи будет задавать темп экономических решений. При этом инфраструктура восстанавливаемого пространства сама может диктовать конкретные политические шаги, нужды инфраструктуры отчасти определяют конкретику экономических программ.

Каким будет Собор

Новые политические реалии потребуют новых конститутивных форм государственности. Вероятно, эти формы будут напоминать наши старые Земские Соборы, которые некоторые из иностранцев того времени называли «парламентами», а не «подобиями парламента», как стыдливо именовал их В.О. Ключевский. Не исключено, что и само имя новых политических форм будет позаимствовано из нашей традиции. Если позволить себе небольшой историко-теоретический экскурс, то, во-первых, следовало бы отметить, что созыв первого Земского Собора в XVI в. осмысливался не как нововведение, но как восстановление, реставрация русского государства в том виде, как оно существовало до своего разъединения. Россия в тот момент вышла из состояния раздробленности на уделы, каждому из которых было мало дела до другого. По мысли историка И.Д. Беляева, Собор «должен был увенчать собою объединение Русской земли», когда вся Русь «начала тянуть к Москве», опять стала ориентироваться на единый центр.

Принципом соборного зова был не выбор депутатов, но скорее отбор общинами лучших и важнейших своих представителей, «лучших, крепких и разумных людей», как отмечают исторические источники. Известно, что крепкие крестьяне и посадские люди с большой неохотой бросали свои дела, поскольку были кормильцами и реальными руководителями своих хозяйств – представительство на Соборе было для них не политическим карьеризмом, а государственным долгом и заботой со стороны населения о России в целом.

Даже безотносительно Земских Соборов соборность оставалась всегда в России существенной моделью социального мироустройства. Это не выдумка русских религиозных философов, а серьезная понятийная категория, которая неплохо «работает» как объяснительная схема на всем пространстве русской истории, за исключением трех Смутных времен (начала XVII в., начала XX в., конца XX в.). Можно даже сказать, что Смутные времена являлись у нас кризисами соборности, тогда как в остальные периоды (в том числе советский) мы видим ее как не всегда сознаваемую, но действующую модель внутривосприимчивости взаимоотношений. Сложная переплетенность интересов и обязанностей различных общин, групп и корпораций разрешалась в соборности не через конфликтную парадигму («война всех против всех»), а через парадигму сострадания. Решение не принималось до тех пор, пока не вырабатывалось единодушного мнения.

Что будет означать Собор XXI века?

Он не столько заменит собой, сколько упразднит Федеральное Собрание вместе с самим принципом разделения властей. Президент при этом не станет государем, однако он может стать чем-то вроде «отца отечества», выпестовавшего органические государственные формы.

Законодательством займутся не говоруны, сумевшие убедить спонсоров дать денег на избирательную кампанию, а профессионалы. Профессионалам можно будет указать сверху (от Президента, от правительства, от Собора), какие законы нужны стране. Во-вторых, государство будет рекрутировать элиту по принципу более способных, а не по принципу вотчинному (когда верховная власть окружает себя «своими человечками», а те окружают себя вновь своими и так без конца) и мобилизовывать нацию для решения первостепенных государственных задач.

На Соборе будут представлены следующие политические крылья.

1. Православное народничество (сегодня это линия Глазьева). В данном направлении будет сочетаться духовный пафос русской традиционной этики и пафос русского «народничества», широкого общественного движения XIX века, впоследствии одухотворившего, наполнившего конкретным этнокультурным содержанием политику большевиков в том, как они строили новую советскую «народную» культуру. Идеологически это направление может быть определено как фундаментализм социальной правды. В этом главное содержание народничества (этого содержания как раз была лишена «Народная партия» Г. Райкова, которая пыталась эксплуатировать культурологический образ «народничества»). По мысли Рогозина, это направление во многом напоминает лейбористскую идеологию, однако, с глубоко российской спецификой. Если сегодня своей центральной задачей это направление видит в том, чтобы ограничить зарвавшиеся корпорации в их несправедливом отношении к общенациональным богатствам, то в будущем заботой его станет обеспечение «классового мира», гармонии сословий (совершенно не «левое» идеологическое направление, несмотря на устойчивые и упорные мнения о блоке «Родина» нынешних аналитиков).

2. Державничество (империализм), ассоциирующийся сегодня в наибольшей мере с линией Рогозина. Это направление будет представлять фундаментализм традиционной российской государственности, собирательницы земель и покровительницы народов, России как собора племен и вер. В основе имперской системы ценностей будет лежать приоритет не количественный (перевод и пересчет людей, племен и традиций в деньги, киловатт-часы и т. п.), а духовно-политический. Экономическая целесообразность, о которой столь рьяно говорили Чубайс и Кох, в этой перспективе оказывается ценностью служебной. В имперской экономике никого не будет волновать, сколько процентов от экономики Великороссии составляет экономика какой-нибудь другой Руси. Каждый атом империи обладает абсолютной ценностью, каждый гражданин империи – носитель неприкосновенности и чести Великого Рима.

К сожалению, в нашумевших теледебатах с Чубайсом Рогозина мы этих положительных программных мыслей от него не услышали. Но всему свое время, неопундантистам тоже нужно время, чтобы осознать себя в новой роли и в новой еще только складывающейся ситуации.

В империи никого не будет волновать, сколько процентов от экономики Великороссии составляет экономика какой-нибудь другой Руси. Каждый атом империи обладает абсолютной ценностью, каждый гражданин империи – носитель неприкосновенности и чести Великого Рима. При этом сострадать всем остальным должны не только империалисты, не только русские, не только православные, но и сами «остальные».

3. Евразийское крыло как коалиция культурных автономий и корпораций, станет еще одним полноценным направлением новой российской политики. В разные периоды государственного строительства оно может быть более окрашено в религиозные и местно-национальные тона, а может быть менее в них окрашено. Главное, что разногласия между

фундаменталистскими силами, между корпорациями решаются в соборе не по принципу голосования, а по принципу взаимопроникновения и взаимосострадания. Сострадать всем остальным должны не только империалисты, не только русские, не только православные, но и сами «остальные» должны сострадать друг другу и «титульным», «первенствующим» народу, вере и государственности. Это означает, что нагрузки и тягла должны распределяться справедливо, что перегрузок на становой хребет цивилизации быть не должно.

Спасение в империи

Фундаментализм социальной правды, государственный фундаментализм как в его идеократическом, так и в бюрократическом измерениях, традиционные религии, национальные фундаментализмы, корпоративные и местные уклады могут найти свое примирение только в имперской системе координат.

Империя не тождественна монархизму, главным в ней является аристократическая составляющая, из которой империя черпает силы для собственного обновления и ответов на вызовы со стороны других цивилизаций. Монархизм можно рассматривать как внутреннюю возможность имперского направления. Внутри имперского движения он должен созреть, на сегодняшний день он слишком оторван от жизни, чтобы рассматривать его в качестве политически перспективной темы. Однако созревание монархической идеологии может произойти гораздо быстрее, чем это сейчас кажется, поскольку сама монархическая традиция является самой разработанной из всех наших политических традиций.

Религиозный фундаментализм (преимущественно православный и исламский) в России после 1991 года несколько окреп, однако, по существу, он остается по историческим меркам чрезвычайно слабым. Очень важно отметить, что фундаментализм представляет собой существенную черту этих религиозных традиций (неслучайно, в своих словарных значениях понятия «православие» и «фундаментализм» почти совпадают). Его место и роль в политической жизни России очень малы (пока он не представлен напрямую ни в парламенте, ни в исполнительной власти), тогда как авторитет традиционных религиозных институтов в обществе непропорционально высок, что признают даже атеистические и антифундаменталистские аналитики.

Спасение национальных, религиозных, корпоративных фундаментализмов в России – вступление в коалицию друг с другом, завязывание в дружественные узлы интересов друг друга. Собственно, развитие России стоит перед одной-единственной альтернативой: либо усугубление противоиimperской, навязанной извне стратегии, в результате которой фундаментализмы российской цивилизации расходятся, окружаются изолирующей оболочкой, нейтрализуются и враждуют в атмосфере своего рода ценностной анархии; либо восстановление имперского союза, имперской коалиции фундаментализмов, в результате чего выстраивается их иерархия, позволяющая всем фундаментализмам играть позитивную конструктивную роль в развитии государства и реализовать свой творческий, ценностный потенциал.

Следует заметить, эта реализация будет протекать не в эксцентричных и экспансивных, а умеренных и гармоничных формах – фундаментализм в империи уравновешен и взвешен, тогда как вне империи он превращается в сепаратизм и терроризм. Империи не свойственны экстремистские методы политической регуляции, поскольку империя по определению является собором разных миров, культурой общежития различных традиций. Империя допускает (как Бог «попускает») инаковость веры, инаковость культурной специфики своих подданных. Она воспитывает их в духе уважения к соседям и братьям по империи. Разрушители империи, напротив, всегда эксплуатируют чувства отталкивания по отношению к дальним родственникам и соседям, нагнетают противоречия и несоответствия до степени невозможности жить вместе, творить общую судьбу. Для этого они используют и религиозные, и этни-

ческие, и языковые различия. Империя обращает в силу и очарование то, что анархия и сепаратизм выдают за слабость и безобразие. Это два принципиально несовместимых стиля мышления.

О неизбежности репрессий¹⁰

Чиновник легко переживает любую революцию и любые репрессии, однако на этот раз мутация его социальной роли зашла слишком далеко

В России нет «граждан» и еще долго не будет. В России есть «обыватели». (...) Доверить «обоз с драгоценностями», каковому подобна Россия, да и всякое государство, – невозможно «обывателю». (...) Чиновник есть «гражданин по найму»...

В.В. Розанов

Вечная борьба с бюрократизмом

Русская бюрократическая машина всегда вызывала в обществе зуд «революционности». Перестройка началась борьбой с бюрократизмом, обличением бюрократии подпитывались и радикальные и нигилистические настроения XIX века. В ключевые эпохи преобразований проблема чиновничества и его ротации (перетряски, «чистки») всегда стояла на повестке дня. В настоящее время мы подступаем к тому же гордиеву узлу нашей социальной реальности: нынешняя управленческая система вопиюще неадекватна государственным задачам, которые вскоре встанут и уже встают перед нами. Дело даже не в коррупции, а в той вялости, безынициативности, отсутствии гражданского пафоса и веры в Россию, которая необходима управленцу для участия в организации больших стратегических проектов. Наш чиновный аппарат носит характер не мобилизующего, а демобилизующего класса.

Чиновник всегда с ухмылкой воспринимает абстрактные кампании по борьбе с бюрократизмом. Уж он-то знает, что ему это не угрожает. Угроза должна носить более или менее персональный характер (немилость начальства, опала в результате борьбы кланов и корпораций, использованные недоброжелателями донос или жалоба). Через абстрактную борьбу с бюрократией всякий раз начинают разрушение не злокачественной опухоли административного произвола и саботажа, а разрушение самой государственности, и только государственности...

Один из парадоксов России в том, что у нее нет более исконного, более неизменного социального начала, чем чиновничество. Самой традиционной силой в России оказывается не духовенство, с его титульной принадлежностью Традиции, прошедшее через многозвенное горнило страданий и истреблений – но именно чиновничество. Невзирая ни на какие идеологические перевороты, само по себе оно духовно преемственно и несет в себе вечные узнаваемые черты. Ни шатко, ни валко, с режущим ухо скрипом, но бюрократия поворачивает вперед колесо государственной машины и вместе с ним преодолевает века.

В критикуемой всеми стилистике «партий власти» в России (и впрямь безобразной, бессодержательной, инертной) парадоксально содержится своя правда. Это «традиционная пошлость» нашего чиновничества, его кондовость и заскорузлость, тесно связавшиеся в последнее время с **принципиальной неидеологичностью**. В этом последнем отрицательном свойстве, начало которому положили горбачевский плюрализм и ельцинская «департизация», возродилась старинная способность без зазрения совести «переметнуться» от одного самозванца в стан к другому. Но в эпохи выхода из Смутных времен конформизм узаконенного предательства должен превратиться у носителей **бюрократического фундаментализма** в свою противоположность: мертвую хватку «верности» власти. И бюрократии теперь

¹⁰ Впервые напечатано в журнале «Политический класс», № 3, 2005.

действительно неохота обзаводиться официальной идеологией, не потому, что она усвоила установки Макса Вебера на «безличность» и аполитичность, а потому что без идеологии как-то спокойнее.

Чиновник в истории России имел дело с разными идеологиями. Он благополучно пережил «опричнину» Иоанна Грозного, трясаясь под лавкой под аккомпанемент боярских казней, пережил первое Смутное время, прячась от казачьих и польских банд и уклоняясь от опасных инициатив «Мининых и Пожарских», пережил церковный Раскол, спеша присоединиться к изменчивой и непоследовательной официальной точке зрения. Несмотря на серьезную ротацию при Петре I и большевиках, чиновник доставался в наследство от Московской Руси петербургской императорской России, а из дореволюционной системы явочным порядком переходил в советскую. Чиновник со своим врожденным лицемерием был равно лоялен «чужебесию» Бирона и юродивому патриотизму Павла I, реформаторскому европеизму Александров и консервативному славянофильству Николаев. Чиновники приняли и Февральскую революцию (псевдовласть второго Смутного времени), и были взяты «на оклад» Лениным, и даже сталинские чистки и репрессии они в массе своей перенесли без чрезмерных потерь, закалившись в них и войдя во вторую половину XX века уже всесильным сословием будущей «элиты застоя». Наконец, в третье Смутное время (1985–2000 гг.) чиновник легко «перестроился» и явился на этот раз рациональным вестернизатором, либералом, покровителем бизнеса и даже немножко (в пределах разумного) предпринимателем...

Именно связующий раствор нашего государства и перестал выполнять свою гармонизирующую роль – все сословия в Смутное время снялись со своих мест и сместились.

Так с чем же мы имеем дело, с классом политических оборотней или с наиболее совершенной формой социальной жизни, способной адаптироваться к любым переменам?

Великое переселение классов

Чиновничество, аппарат не тождественен государственности. Государственность рождается и преобразуется в ходе совместной работы всех сословий и слоев, среди которых чиновничество занимает промежуточное место. Это своего рода клей, или цемент государственности, но не ее блоки и кирпичи.

Именно связующий раствор нашего государства и перестал выполнять свою гармонизирующую роль – все сословия в Смутное время снялись со своих мест и сместились. Произошло если не окончательное смешение, то, во всяком случае, патологическое смешение частей государственного организма. Поэтому подлинную проблему нынешней власти составляет не отвоевывание у чиновничества неких участков его влияния – проблема власти в том, чтобы ликвидировать чудовищный перекося в социальной стратификации, который образовался в ходе последнего Смутного времени.

Можно наблюдать четыре главных вектора, по которому произошло смешение социальных ролей, своего рода великое переселение классов: 1) во-первых, **весенний разлив блатного мира**, завоевавшего себе небывалые возможности (и олицетворяющего «войну всех против всех»); 2) во-вторых, вынужденное **перепрофилирование обывателя**, сменившего роль производителя на роль посредника; 3) в-третьих, замкнутость на себе **интеллигенции, невостребованность** ее целеполаганий и традиционных призваний, отчасти и уклонение ее от этой традиционной роли; 4) наконец, в-четвертых, **симуляция чиновничеством** юридических и бухгалтерских форм социальной жизни в условиях идеологического «вакуума».

Остановимся на каждом из этих векторов подробнее. Сначала посмотрим, что же произошло начиная с эпохи «перестройки» с тремя нечиновными классами в России.

Смутное время стало, по выражению Говорухина, временем «криминальной революции». Впрочем, оно и раньше (в XVII веке и в начале века XX) являлось таковым. Однако на этот раз, согласно канонам новомодного постмодерного стиля, криминализация зашла чрезвычайно глубоко, став одним из конститутивных моментов самого государства. Произошло негласное узаконивание сословия «бандитов», «братков» – по существу сформировалась целая каста, сопоставимая по численности и функциям с силовыми ведомствами. И если силовики стоят на службе государства за зарплату и скудный подножный прокорм, то братки стоят на службе миропорядка Смуты за свою «долю». По существу же мы имели дело со своеобразной канализацией субпассионарной энергии молодежи, которой заперли выход в стихию войны, стихию меча. (Чечня здесь не в счет – как раз в Чечню-то парадоксальным образом стогнали не столько воинственную молодежь, которой всегда была богата Россия, сколько «серую скотинку». Большинство солдат «первой Чеченской» относятся не к «призванным» в смысле «призвания», а к пушечному мясу, призванным в смысле военкоматовского «призыва».)

Таким образом, вместо рекрутирования воинственных стихий России в направлении завоевательных войн – Смута рекрутировала их в «братву», отчего и численность последней возросла по сравнению с несмутными временами в несколько раз. Как будто какая-то враждебная нашему народу сила снабдила новое «сословие» чудовищным наказом: **«Перестреляйте сами себя!»** И теперь нужны новые штрафбаты, чтобы как-то нейтрализовать криминогенную ситуацию в России. Ведь призвание большинства той молодежи, которая смотрит сейчас в сторону бандитов, именно такое – **воевать за Россию, а не за «авторитетов»** и таким образом восстанавливать ее «международный авторитет». Но как много нужно изменить в нашем теперешнем государстве, чтобы хотя бы всерьез поставить подобные социально-политические вопросы!

Обыватель в Смутное время представлен фигурой предпринимателя (мелкого – типа челнока, среднего – типа владельца предприятия, либо крупного – вроде олигарха). В какой-то мере предпринимателями становятся все. В Смутное время даже собака, шляющаяся по помойкам, воплощает собой архетип предпринимателя. Обыватель в массе своей либо прозябает, либо занят несвойственным ему делом: организует предприятия, пытается играть на бирже, берет в банках разорительные кредиты. Риск, никогда ранее не свойственный обывателю, становится для него повседневностью. Все это лишь увеличивает стрессогенность нашего общества, но не делает более эффективной нашу экономику. Ведь на внутреннем рынке новый бизнес занят в основном перепродажей дешевого ширпотреба, который наводит торговлю и тем самым **усугубляет паралич национального производства** (то есть того хозяйства, в котором обыватель как раз должен по своей природе реализовывать и воспроизводить себя). Так же как в случае с воинственной молодежью, здесь произошло короткое замыкание социальной стихии – обыватель-производитель замкнулся на себя и перестал быть собою. Его вынудили имитировать чужую идентичность.

Точно так же ушел от своих прямых и коренных обязанностей – учить и лечить – общественный интеллигент. Его созидательная социальная роль растворена в плюральности интеллектуальных «племен». Катастрофическое снижение жизненных стандартов в науке и образовании сделали этот род деятельности совершенно не самодостаточным. Интеллигент вынужден рассматривать свои традиционные обязанности либо как вторичный приработок, либо как форму добровольной благотворительности, тогда как основу его жизненного цикла составляет тот или иной бизнес. В результате мы получили плохого педагога и плохого бизнесмена, разместившегося между двух стульев. На примере интеллигента наиболее разительно видно, как Смутное время отправило всех в долгосрочный «отпуск на волю», поро-

дило состояние классового кочевья, не укорененных в почве постиндустриальных таборов и ватаг.

«Служба» как потребление

На уровне чиновничества высвечивается смысл происходящих процессов смещения и смешения классов. Целью индивидуальных усилий в такую эпоху становится прорыв в привилегированную прослойку Смутного времени, а прорыв этот теснейшим образом связан именно с чиновничеством, его статуйным ресурсом и его полномочиями.

Идеал преуспевания нашего современника может быть описан как сложнейший смесительный синтез, то есть, по сути, **синкретизм** социальных статусов. Гражданин «первого сорта» – это, во-первых, предприниматель, который осуществляет сложные бизнес-схемы, строящиеся не столько на управлении хозяйственными процессами, сколько на связях, имеющие целую систему «крыш» и «прикрытий». Во-вторых, он обыватель в том буквальном смысле, что он свободный человек, не связанный какими-либо подписками и санкциями (грубо говоря, в любой момент он может сменить гражданство и уехать); но обыватель он тогда, когда это ему выгодно – когда же это ему не выгодно, он представляется как человек государства (в его кармане имеется корочка сотрудника МВД, а еще лучше ФСБ, удостоверение помощника депутата, а лучше – каких-нибудь правительственных органов). Опять же, в-третьих, когда ему это выгодно, он говорит на адекватном языке с представителями блатного мира: выясняется, что он входит и в систему оргпреступности, и имеет связи среди известных авторитетов уголовного мира. Наконец, в-четвертых, он, как правило, интеллигент, то есть человек с высшим образованием, не чуждый интересов высокой культуры и остро переживающий свою цивилизационную и духовную идентичность.

Критерием существующей синкретической социальной системы является доллар. Он выступает как универсальный эквивалент всех ценностей. Можно даже составить тарифную сетку, в которой описывалась бы конвертация этих ценностей друг в друга: на коммерческой основе «смена гражданства» может оказаться равновеликой принадлежности престижной госслужбе, либо научному статусу (например, покупка степени кандидата юридических наук), статусу члена гильдии адвокатов. Можно приводить и более вопиющие примеры конвертации статуса, однако следует отметить, что все статусы одному человеку вряд ли нужны, поэтому бартер и прямая торговля статусами служит обычно для продвижения близких людей и партнеров, поддержки их карьере и возвышению.

Гражданин «первого сорта» – это, во-первых, предприниматель, который осуществляет сложные бизнес-схемы, во-вторых, он обыватель в том буквальном смысле, что он свободный человек, не связанный какими-либо подписками и санкциями, в-третьих, он представляется как человек государства (в его кармане имеется корочка сотрудника МВД, а еще лучше ФСБ, удостоверение помощника депутата, а лучше – каких-нибудь правительственных органов), в-четвертых, он имеет связи среди известных авторитетов уголовного мира, в-пятых, он, как правило, интеллигент, не чуждый интересов высокой культуры и остро переживающий свою цивилизационную и духовную идентичность.

Синкретизм Смутного времени – это стиль чужака, который захватывает «не свое» социальное пространство. В этом стиле жизни **каждый является всем чем угодно, и никто не является собой.**

Источник всепроникающей язвы, поразившей наш политический класс, заключается в грандиозной иллюзии вседозволенности и «свободы», которой живут многие представи-

тели русского чиновничества. Сами чиновники в такой общественной атмосфере настраиваются не на берегающе-упорядочивающую работу – они воспроизводят скорее настрой потребителей. **Служба рассматривается ими как потребление**, а государство – как объект потребления благ его чиновниками.

Чиновничество всегда было классом, специально воспитуемым государством. Воспитать чиновника очень сложно, воспитать его хорошо – почти невозможно. С этой задачей с огромным трудом справлялись московские цари и петербургские императоры, затем советская партийная власть. Но после крушения советского строя эту задачу вообще оставили в стороне. В чиновники пошли «обыватели», люди без идеи «службы» в крови, люди, в головы которых не была вложена идея «государственности»; те же из партийного чиновничества, кто перешел в новые системы управления, как правило, сами перестроились на обывательский лад.

Справедливости ради нужно отметить, что численное превосходство представителей старой номенклатуры среди нынешнего управленческого и экономического истеблишмента бросается в глаза. По данным социолога О. Крыштановской, 75 % кадров в правительственных структурах, и 61 % в бизнесе – выходцы из советской партийной и хозяйственной бюрократии. Та же Крыштановская отмечает, что и в собственно политическом классе (депутатском корпусе) наблюдается явный застой и дефицит притока новых человеческих ресурсов.

Советская система несомненно обладала более эффективными каналами ротации элит и она давала перспективу карьерного роста, – система Смутного времени стремится запирать нижние, непривилегированные классы на их этажах с тем, чтобы не допустить вертикальной мобилизации, которая, понятное дело, угрожает **«высшему потребительскому обществу»**. Наша бюрократия до сих пор занимается преимущественно тем, что осуществляет юридическое и бухгалтерское прикрытие своего потребления, не способствующего восстановлению реальной экономики России и оздоровлению ее социальной инфраструктуры. Это номенклатурные «мутанты», по выражению А. Оболонского, – сегодня именно они служат главным тормозом на пути преодоления последствий Смутного времени.

Сменить безнадежное поколение

В современном чиновном классе можно наблюдать очень мало качественных отличий от «низов» общества. Отличия скорее количественны: люди «первого сорта» стоят у рычагов распределения социальных благ, и потому у них оседает часть распределяемого; имеют возможность путем предпринимательских схем, прямого присвоения и натурального обмена обеспечивать себе изобилие материальных благ, недоступное для людей «второго» и «третьего» сорта; наконец, они имеют более последовательные и обеспеченные политические интересы – вступают в коалиции, которые находят свое выражение в существующей политической системе (при этом не важно, кого они поддерживают: «партию власти» или «оппозицию» – обе суть части единой системы).

Класс управленцев в России застоялся фактически со сталинских времен. После репрессий 30-х годов значительной ротации элит у нас не происходило. Разрушение СССР привело не к смене и обновлению верхних классов, но к их «разводу» по новым государственным «квартирам», новым субъектам международного права. Все это время по разным причинам масштабная ротация элит откладывалась. Но дальше откладывать обновление административных кадров становится невозможно. Под угрозу поставлено существование России как суверенного государства.

Вслед за нашими либертарианцами мы можем сказать (только не в отношении середины 90-х, а применительно к теперешнему времени): ничего по-настоящему не изменится, пока не произойдет **смена поколений**. Правда, либертарианцы наши имели в виду «списан-

ные» поколения старых советских рабоче-крестьянских и служилых слоев. Они вели речь о «низах», которые вечно бьются над проблемой собственного выживания. Быстро заменить старые низы какими-то новыми низами – дело совершенно невозможное (поэтому официальная идеология Гайдара и была фактически утопической). Сегодня Гайдар в своих выступлениях упирает на горизонтальную мобильность – приток русскоязычных мигрантов, которые должны заместить негодные коренные «низы». Мы же, современные консервативно мыслящие идеологи, будем отстаивать другую точку зрения: необходимо, и чем быстрее, тем лучше, списать со счетов старое поколение управленцев, которые служить государству уже разучились, а созидать на благо общества и страны так и не научились. «Старое» поколение в данном случае не значит пожилое по возрасту, «старое» значит наглое, беспринципное, разуверившееся в советских ценностях, но ни во что новое, кроме эгоистического идеала «потребительского общества», не уверовавшее.

Необходимо, и чем быстрее, тем лучше, списать со счетов старое поколение управленцев, которые служить государству уже разучились, а созидать на благо общества и страны так и не научились. «Старое» поколение в данном случае не значит пожилое по возрасту, «старое» значит наглое, беспринципное, разуверившееся в советских ценностях, но ни во что новое, кроме эгоистического идеала «потребительского общества», не уверовавшее.

Необходимы масштабная ротация элит и масштабные репрессии. Должна прийти новая генерация администраторов и произойти это должно одновременно с репрессиями – чтобы «старики» не успели внедрить в головы и сердца «молодым» навыки коррумпированности и крохоборства. Только репрессии способны разрушить модель синкретизма социальных статусов, расставить чиновников по надлежащим местам и устранить препятствия для нормализации положения несущих сословий, основных социальных страт. Когда я говорю о репрессиях, я имею в виду не столь жесткие меры, которые использовались Сталиным или Иоанном Грозным.

На этот раз они будут носить скорее идейно-политический характер и ограничиваться лишением статуса и (в ряде случаев) конфискацией имущества. Рекрутирование же новой элиты, новых человеческих ресурсов должно пойти не столько через выборы снизу, сколько через призыв сверху и носить ярко выраженный **идеологический** характер.

Вместе с тем параллель со Сталиным – это не просто метафора. Лидеру России в ближайшее десятилетие придется решать задачи, сходные с теми, что решал Сталин в 30-е годы. Момент «великого перелома» очень близок, возможно, он уже наступил (просто это еще нами не осознано). Сталин был, несомненно, вождем номенклатуры. Перед Путиным, по всей видимости, стоит похожая задача: необходимо создать гораздо более свежую, преданную власти и **содержательную** по существу управленческую систему, чем та, что существует де-факто. Управленцы не должны быть равнодушными, политически нейтральными. Их место должно определяться не только уровнем образования и деловыми качествами, но и способностью к сплочению вокруг перспективных программ социального действия. Иного пути социальной мобилизации, решения амбициозных стратегических задач просто не существует.

Нынешнее политическое состояние России существенным образом динамично. Это не застой, как показалось многим публицистам в 2003 году, а происходящий сдвиг. Причем сдвиг определяется не цифрами экономического роста, инфляции и даже не цифрами перераспределения акций и прав собственности – сдвиг определяется изменениями в стратификации общества. Начать преобразования стратификации можно только с чиновничества, а продолжить лишь посредством четкой и слаженной работы государственного аппарата,

через формирование целого ряда прорывных проектов национального масштаба, вовлекающих большие человеческие ресурсы в реальную экономику.

Одной из специфических черт чиновного класса является его «серость», его «заменяемость» (Сталин недаром называл бюрократов «винтиками» государственной машины, хотя он и говорил об этом поощрительно – но это потому, что у Сталина на тот момент репрессии уже состоялись, и обновление аппарата дало свои результаты). Чиновники во всех отношениях сливаются с толпой, иными словами, они иерархически **не отмечены**, выделяясь лишь формальными признаками своего статуса. С этой классовой «серостью» связано и то, что даже искреннее служение и честный патриотизм у чиновника как-то уж очень неэстетичны, вызывают подозрение в лицемерии. Никто не может так дискредитировать патриотизм и принцип служения родине как неловкий, неталантливый чиновник с его профессиональным формализмом, въевшимся в самую душу.

Идеологическая канва, по которой пойдет вертикальная мобилизация России, в принципе достаточно очевидна и не имеет сколько-нибудь весомых альтернатив. На мой взгляд, чувство социальной справедливости сейчас в России удачно совпало с чувством нужды в державе, империи. Быть противником возрождения идеологии социальной правды и возрождения неоимперской (державной) идеи в нынешнюю эпоху – это, как правило, одно и то же. Верховная власть и патриотически мыслящие ее представители пока выступают заложниками неквалифицированной или умышленно искаженной информации, поступающей по административным каналам. Это искажение социальных сигналов связано с тем, что пресловутый «административный ресурс» носит однонаправленный характер, не обеспечивает подлинной обратной связи с народными массами.

Успех политики Путина может быть измерен только как успешное преодоление острых последствий Смутного времени. Поэтому в живой России, в развивающейся России репрессии неизбежны. Они будут призваны постепенно заменить постимперскую бюрократию на бюрократию нового русского империализма, воссоздать **живую, органическую систему** власти, которая встала бы на службу традиционным духовно-политическим ценностям России.

Консерватизм в отдельно взятой стране¹¹

И что за вздор: Россия Ксеркса или Христа? «Россия – России» – вот что нужно. Св. Константин, Феодосий Великий, Юстиниан были христианскими Ксерксами, во-первых, а во-вторых – Европа либеральная находится теперь вовсе не в периоде перед Персидскими войнами, а скорее похожа на Гоецию в периоде разложения и духовного упадка...

К.Н. Леонтьев

1. Пять принципов Михаила Ремизова

Спорить о том, кто достоин в России прозвания «консерватора», дело довольно скучное. Особенно если учесть, что зачастую горизонты консерватизма того или иного претендента на это имя исчерпываются вещами совершенно курьезными, например, наличием минимального пакета имущественных прав собственника, которому «есть что терять» или тем, что он, подражая Черчиллю, курит трубку (примеры утрированные, но в сущности верные).

Блистательный анализ Михаила Ремизова¹² подготовил обоснование выдвигаемых им **пяти принципов, вокруг которых возможна «рамочная» консолидация новых русских консерваторов**. Но для начала, как и следовало ожидать, Ремизову пришлось отмежеваться от ложных форм консерватизма, от иллюзорных его подобий и «симулякров». Говоря о консерватизме интегральном или идеологическом (консерватизме в трактовке, близкой Манхейму), Ремизов возможно намеренно обходит дискуссионность и взрывоопасность проблематики «либерального консерватизма» и «консервативной революции», их отличий от «динамического консерватизма» (политического традиционализма). Ниже я остановлюсь на этом болезненном узле, который для Ремизова, возможно, очерчивает поле будущих внутрикоалиционных разногласий в стане подлинных консерваторов, которые призваны произвести из себя «весь политический спектр будущей России». Между тем, сам Ремизов очень близко подходит к определению динамического консерватизма, вскрывает один из его аспектов, когда говорит: *«Функционально, консерватизм отвечает не столько за „стабильность“, сколько за „целостность“ и идентичность государственно-политической системы»*.

Что касается консерватизма в трактовке Хантингтона (ситуационный консерватизм), то он, согласно Ремизову, может выступить и выступает в современной России лишь как эпигонский, то есть в принципе беспочвенный. Так, например, *«рейганизм был плодотворен и интересен в свое время и на своем месте – т. е. именно как ситуационный консерватизм, каковым он и мыслил себя сам»*.

Дело в том, что ситуационный консерватизм, строго говоря, вообще нельзя наследовать. Нельзя быть рейганистом в эпоху, отдаленную от эпохи Рейгана. Новая ситуация всегда требует и нового ситуационного консерватизма (в отличие от консерватизма идеологического). И это не говоря уже о другом уровне: ситуации не исторической, а цивилизационной и геополитической. Ведь быть в России последователем Рейгана или Тэтчер **как консерва-**

¹¹ Впервые опубликовано на сайте АПН.ру 1 марта 2006 г.

¹² Речь идет о статье Ремизова «Консерватизм сегодня: аналитический обзор» (АПН.ру 27.01.2006)

торов – означает, по существу, не что иное как быть безнадежно оторванными от российской действительности.

Хочу подчеркнуть, я **не полемизирую** с Ремизовым, но желаю лишь уточнить и усилить его подход. Тем более что он дал во многом беспристрастный и объективный анализ нашей нынешней обстановки в публичной консервативной среде, а не просто выразил свою позицию. Это качество беспристрастности проявляется и в усилиях Ремизова по выдвижению главных целеполагающих принципов для «рамочного консерватизма». К пяти данным принципам он относит:

- 1) Цивилизационный антиглобализм (в другой редакции – геополитический суверенитет)
- 2) Экономический солидаризм нации (протекционизм, социальная справедливость и госсобственность на недра и инфраструктурные монополии)
- 3) Демографический национализм (репатриация против иммиграции)
- 4) Государственный легитимизм (неделимость страны)
- 5) Религиозный традиционализм (приоритет и даже симбиоз традиционных религий).

Выдвижение таких принципов верно и необходимо, хотя их формулировки и структура не во всем удачны.

Например, что касается первого принципа, то, на мой взгляд, он неправильно охарактеризован в самом своем названии – «цивилизационный антиглобализм». Определять ведущий идеологический принцип нашей цивилизации от противного недопустимо. Напротив, можно и нужно подчеркивать в этом принципе его положительный внутренний контур, черты не оборонительного оппонирования иному, а самооценности посреди иного. Ведь спор является побочным следствием самодостаточности спорящих сторон. Отталкивание от других не конституирует культуру, а является одной из возможных функций ее развития и выживания. Я бы предложил переименовать первый принцип в «**цивилизационный континентализм**». Такой термин отражал бы восприятие больших цивилизаций как культурно-политических миров, «человеческих материков»¹³.

Второй принцип сформулирован удачнее, однако в его обосновании недостаточно раскрыта крайне важная составляющая, а именно: построение новой трансрегиональной миро-системы, нового хозяйственного макрорегиона. И здесь, при этом уточнении, сразу же возникает прочная связка с пятым ремизовским принципом – «религиозным традиционализмом» – ведь именно Россия реализовала архетип макрорегиональной империи как союза различных традиционных культур. Такой союз в принципе представляет собой идеальную почву для хозяйственной макрорегионализации, исключая саботаж и срыв сотрудничества представителями разных культур из-за переживания ими комплекса «чужака». Для нашей цивилизации-континента как хозяйственного макрорегиона составляющие его народы вместе с их экономиками будут «своими», «братскими», при том что в системе в целом будет соблюдаться «организованная, дисциплинированная разнородность» (по формуле К.Н. Леонтьева).

По третьему принципу у меня нет существенных уточнений, хотя было бы нелишним подчеркивать везде и всегда, что у русских консерваторов речь идет не просто о демогра-

¹³ Тема России как особой части света была обыграна и у ряда старых русских консерваторов, а в XX веке у Хлебникова, евразийцев, позднее – у А. Дугина и В. Цымбурского. Идея России как «человеческого материка» выгодно отличается от идеи «архипелага России», поскольку любые островные и «сетевые» конфигурации обретают свой подлинный смысл в их отношении именно к «материнской» реальности. Исконно русское понятие «материк» указывает на большую землю как источник цивилизационной идентичности, реальнопрактическую и магическую жизненную силу. В этом его отличие от синонимичного понятия «континент», подчеркивающего протяженность и непрерывность большой земли, ее пространственный и исторический «континуум».

фическом национализме, а о прямом и осознанном воспроизводстве в России этнокультурных пропорций. Для нас важно сохранение демографических структур идентичности – и поэтому консервативная власть будет поддерживать эти пропорции через систему дотаций коренному населению в регионах с отрицательной демографической динамикой (то есть с вымирающим и стареющим населением) а также через комплекс других мер, поощряющих рождаемость и снижающих смертность коренных народов¹⁴.

Наиболее сомнителен 4-й принцип Ремизова в силу того, что он представляется как будто излишним, во многом накладывающимся на первый принцип – цивилизационного суверенитета. Ремизов пишет: *«Основанием целостности России является историческая преемственность, связывающая воедино все исторические формы российской государственности, независимо от государственного строя и формы правления»*. Собственно, если принять мои уточнения по формулировке первого принципа, то особая формулировка четвертого становится ненужной. Ведь очевидно, что геополитический суверенитет континента-цивилизации имеет не только сиюминутное, но и длительное историческое измерение. Таким образом, первый принцип сполна обосновывает провозглашение России постимперским *«большим пространством»*. Понятно, что Ремизов следует из внутреннего созерцания собственной методологии – но здесь следовало бы позаботиться о восприятии пяти главных принципов всеми идеологическими консерваторами, со всем разнообразием свойственных им методологических подходов. Принципы должны зафиксировать главные смысловые узлы нашего согласия. А методологические и доктринальные тонкости можно обсуждать далее.

В обосновании пятого принципа, который не подлежит никакому сомнению, Ремизов приводит в основном прагматические аргументы, такие как легитимизация власти, социализация граждан. Я их полностью принимаю. Замечу только, что среди названных принципов хотя бы один должен иметь не прагматическое, а потустороннее объяснение. Материк-цивилизация нуждается в собственных источниках вертикальной инициативной суверенности. **Россия укореняется не только в своей земле, но и в небе – и на этом стоит.**

2. Сценарий «Года великого перелома»

Достаточно ли этих пяти (или четырех) получившихся принципов? В каком-то смысле достаточно.

Но, возможно, для рамочного оформления консолидации консерваторов следовало бы говорить и о большем числе принципов... На мой взгляд, кандидатами в таковые может быть признан ряд положений, изложенных в «Русской доктрине». Приведу лишь некоторые из них:

- принцип **сверхнациональной коалиции этнических групп** (Россия – это великороссы плюс русские этнические меньшинства);
- принцип минимального суверенитета в области информации, культуры и науки (в России должны быть помимо прочих крупные государственные телерадиокомпании, киностудии, издательские холдинги, культурные, образовательные, научно-технические институты и т. д., **реализующие государственную политику**);
- принцип нравственного и ценностного суверенитета (как раз в ходе обоснования такого принципа уместно говорить о русской модели глобализации либо альтер-глобализации в духовно-политическом смысле; также и о параметрах «нравственного мира России», которые, в отличие от «религиозных ценностей», могут прямо проецироваться вовне как

¹⁴ Подробно эта идея и соответствующий комплекс мер государственной политики были рассмотрены нами в коллективной работе «Сбережение, развитие и приумножение нации» (2006), подготовленной по заказу партии «Родина».

цивилизационные стандарты, как всемирная, универсально-«всечеловеческая» **программа** нашего континента-цивилизации).

Я уверен, что коллеги найдут еще несколько принципов-кандидатов на включение в список постулатов национального согласия. Не назрела ли необходимость всем представителям идеологического консерватизма сообща сформулировать документ подобного рамочного утверждения условий существования России?

Между тем, значение исторического момента состоит в том, что России собственно некуда больше эволюционировать как только к вменяемому идеологическому консерватизму. Все другие пути сейчас означают возобновление разрухи и смуты. В одной из своих статей на АПН я предлагал увидеть в текущих событиях аналогию со сталинским «годом великого перелома» (1929 годом). Напомню, в чем состояла суть этой аналогии. Путин, подобно Сталину, в 20-е годы, давшему возможность внутри НЭПа и партийной демократии взреть новому курсу на социализм в отдельно взятой стране, дал возможность взреть в послеельцинской России идеологическому консерватизму, – **идеологии России-материка со своими небесными корнями и со своей исторической традицией**. Во многом вопреки собственному сознанию, вопреки теоретической и прагматической логике, Сталин тогда, и Путин теперь обращаются от Смутного времени, от революционного перепахивания России к «новому курсу». В этом состоит смысл «великого перелома» как сценария политического развития.

Для большинства идеологических консерваторов тезис о каких-то завоеваниях постсоветской России, которые «хорошо бы сохранить», представляется абсурдным. Но логика истории такова, что для власти, наследующей революционерам и разрушителям, действительность может быть описана только в превращенных терминах. При этом речь идет не о каких-то абстракциях, а о вещах объективных: распаде и дезинтеграции национально-государственного единства, разрушении инфраструктуры, социальной системы и т. д.

Что созидательного происходило в России Смутного времени 90-х годов? Может быть, бум строительства, так называемый «коттеджный бум»? Но он же является обратной стороной «распиливания» фондов конкретных предприятий бывшего СССР. Этот частный пример иллюстрирует не преумножение национального достояния, а его рассредоточение и расточение – и так во всем, и так повсюду. Либералы внушали, что строят в России «рынок», хотя они забыли уточнить, что «рынок» учредили на месте «страны-фабрики». Чтобы из фабрики получился рынок, нужно не строить, а наоборот очень многое сломать и выгрести, освободив место.

Либералы внушали, что строят в России «рынок», хотя они забыли уточнить, что «„рынок“ учредили на месте „страны-фабрики“». Чтобы из фабрики получился рынок, нужно не строить, а наоборот очень многое сломать и выгрести, освободив место.

Ситуация после Смутного времени представляет собой некоторый баланс разрушительных и созидательных тенденций. Кто может оспорить тот факт, что многие разрушительные тенденции Смутного времени так и не повернуты вспять? Ведь до сих пор периферийные осколки империи сдаются геополитическим конкурентам, продолжается демографическая катастрофа, продолжается деиндустриализация России, в экономике воспроизводится модель «ловушки Тэйлора». Эта «стагнация коллапса» объективно выгодна некоторым зарубежным державам, а внутри России – лишь узкой прослойке собственников, не сопрягающих свое будущее с реальным подъемом национального хозяйства. **Где-то должна быть точка остановки**. И эта точка очертит водораздел между смутой и новой стабильной системой – его-то и называют моментом «великого перелома».

Для Сталина перелом выражался в том, что он избавился от политических конкурентов, что он преодолел оппонирующие тенденции (левый и правый уклоны), выстроил четко работающую систему госаппарата. Для Путина перелом выражается в том, что он также избавился от политических конкурентов, представленных крупными олигархами (Березовский, Гусинский, Ходорковский), преодолел сопротивление внутриаппаратных «уклонов» (Волошин, Касьянов), выстроил во фрунт оставшихся олигархов, партийных политиков и управленцев. Обычно в качестве контраргументов приводят ту самую деиндустриализацию и «пораженчество», о которых я упомянул выше. Добавляют и труднооспоримый аргумент, что у Сталина в 20-е годы не было такой благоприятной внешней конъюнктуры, таких удачных обстоятельств как «цены на нефть» и т. д. Вроде бы справедливые замечания. Однако сама феноменология путинских «реформ», так же как и политика Сталина во время НЭПа, свидетельствует об их половинчатом, непоследовательном характере: захлебнувшаяся административная реформа, преисполненная испуга перед самой собой монетизация, сохранение статус-кво в большинстве отраслей экономики – все это говорит о том, что для Путина **центр тяжести реальной политики находится не в этих вещах.**

Главное содержание современной политики – формирование новой картины баланса крупных финансовых и политических группировок. Так же и для Сталина главным были не конкретные механизмы, оттачивающие социально-экономическую систему НЭПа, а выстраивание разумной кадровой политики в верхах государственного аппарата, подготовка условий для установления безоговорочной единоличной власти в партии и далее, уже как знак этого установления, – полного отбрасывания НЭПа. Речь идет не о бирюльках, речь идет о создании прочной конфигурации власти – этим и занят был Сталин во второй половине 20-х годов, и Путин в первые пять лет XXI столетия. Многие критики Путина не видят этого политического измерения потому, что оно полностью укладывается в фигуры «передела собственности» и контролируемого перетекания активов. Политическое покрыто финансово-юридической оболочкой, авторитарное начало завуалировано в либерально-консервативный флер, власть говорит на «превращенном» языке.

Но уже в «национальных проектах», недавно объявленных Путиным приоритетом государственного развития, мне видится аналог первого пятилетнего плана, принятого командой Сталина в 1929 году. Хотя по всем меркам масштабы «нацпроектов» и являются пока чересчур скромными. Однако «год великого перелома» еще не завершился. В 29-м его увенчал «новый курс» с отказом от НЭПа и с упором на строительство социализма в отдельно взятой стране. В логике этого сценария нам сейчас следует ждать объявления «нового курса», который наполнит идею «национальных проектов» не только социально-экономическим, но и символическим содержанием. Возможно, «нацпроекты» – лишь первый пробный шар на пути к повороту курса. Доктрина же построения максимально открытой экономики Г. Грефа будет отброшена прочь ввиду ее явной неадекватности реалиям.

«Великий перелом» – это момент истины, узкий путь для власти. Повышенная осторожность, боязнь «порога», страх перед «Рубиконом» – все эти чувства вполне могут обуравать носителей власти в подобный момент.

На мой взгляд, другие сценарии политического развития в ближайшие годы так или иначе могут привести лишь к катастрофическому исходу.

Парадокс консервативной динамики

Ограничившись в теоретической части подходами Хантингтона и Манхейма, Ремизов обошел ряд скользких вопросов, оставив их, по всей видимости, на обсуждение консерваторов уже после принятия «рамочных манифестов» существования России. К этим скользким вопросам относится место внутри идеологического консерватизма таких доктрин как «консервативная революция» и «либеральный консерватизм». Принадлежность этих доктрин интегральному консерватизму – само по себе вопрос.

Стройность подхода Манхейма обусловлена его четким разделением традиционализма (то есть примитивного, доидеологического мироощущения) и консерватизма (как традиционализма, переставшего быть стихийным, достигшего ступени систематического самосознания, обусловленного так или иначе революционными событиями). Следует признать, что такое четкое разграничение терминов большинством современных теоретиков не принимается. «Консерватизм» рассматривают как частный случай традиционализма, более или менее компромиссную, историчную, ситуативную его модификацию. В этом смысле позиция Хантингтона является типичной для современного словоупотребления, но при этом она ее не исчерпывает, а представляет собой крайнее идейное выражение постфашистской интеллектуальной тенденции.

Что я под этим подразумеваю? Собственно, концепция «ситуационного» консерватизма есть не что иное как очередное извращение природы консервативной идеи в угоду западному общественному мнению, травмированному Второй мировой войной и испуганному перед лицом европейской «правой волны» 20-х – 30-х годов. «Ситуационный» консерватизм удобен для либералов и левых, которые манипулируют новейшими тенденциями возрождения национального самосознания в Европе. Ту же роль – манипуляции общественным мнением – играют эти взгляды и в России. Концепцию «ситуационного» консерватизма следует отбросить именно потому, что она манипулятивна. Под шумок о неофашизме «ситуационные консерваторы» стремятся блокировать многие здоровые тенденции, восстанавливающие естественный социальный баланс. При этом «ситуационный» консерватизм представляет собой лишь одну разновидность из целого набора родственных ему псевдоконсервативных инструментов.

Невозможно обойти и избежать темы, которая в очередной раз была поставлена В. Малявиным в его очерке «Между Ксерксом и Христом», где автор попенял Ремизову на неадекватность его классификации консерватизма, в котором в первую очередь *«следует различать не предлагаемые Ремизовым типы (бюрократический, романтический, фундаменталистский и проч.), ибо эти признаки вторичны и случайны (контингентны), а уровни, или состояния: консерватизм подлинный, т. е. проективный, и притом, как ни странно, критический, и консерватизм ложный, разрушительный и саморазрушающийся, ибо нигилистически-нормативный...»*

Малявин подозревает нас, поколение новых русских консерваторов, в том, что за нашим «фундаментализмом» скрывается мироощущение «взбесившихся гуманистов и вывернутых наизнанку либералов» и предостерегает на примере истории протестантских сект в Европе, что *«революции вырастают именно из консервативных утопий и, как показывает наше время, туда же и возвращаются»*. Малявинская критика представляет собой отрицание парадигмы «консервативной революции» с позиций либерально-консервативной идеологии. Однако, что любопытно, Малявин в данном случае проскальзывает мимо ядра интегрального консерватизма – которое можно обозначить как **политический традиционализм** или **динамический консерватизм**. Вместо того чтобы разобраться в сути и потенциале этой доктрины, критик предпочитает навешивать на нее несвойственные ей пороки.

Подлинный консерватизм символизирует не статику, не бездвижность, но самодержавие субстанции, удержание ее целостности и здоровья, в том числе через устранение разрушительных вирусов. Поэтому традиционное охранительство в исконном древнем значении – *solos conservator* – выявляет не пассивную, а активную сущность консерватизма. В народной фразеологии эти же смыслы представлены в выражениях типа «ты мой ангел-хранитель» – олицетворяющих добрую спасительную силу, которая оберегает человеческую душу от ошибок и влияния темного начала. «Не плюй направо, там ангел-хранитель», – пословица, высвечивающая внутреннюю связь между архетипами консерватизма и «правоты», «правого пути», «правой руки».

Метафизика этого ядра консервативной идеи опознается как «подвижный покой» и «консервативная динамика», «божественный подвиг (снисхождение неба на землю)» и в то же время «безмолвное кипение». К этому парадоксу сводится сущность любой долговечной традиции, любых драгоценных для человечества преемственностей, опираясь на которые, всегда строятся социальные и политические порядки. «Консервативная революция» и «либеральный консерватизм» с разных концов высвечивают эту же истину, это же очарование консервативной идеи, но они призваны не воплощать эту истину, а пародировать ее и паразитировать на ней. Поэтому первая из этих идеологий извращается до срыва из состояния более высокоорганизованной социальной инерции к более низким порядкам той же инерции, а вторая сводится к «притормаживанию прогресса».

Кажущаяся многим критикам абсурдность «динамического покоя» выражает самую суть консервативной идеи, которая ни в коей мере не тождественна инерции либо торможению. Косность и застойность свойственны только тем видам консерватизма, которые поражены вирусами «современности». Все революции проистекают из этого смещения – вирус разложения и дезинтеграции ценностей поражает верхи традиционного общества, лишает их внешний «консерватизм» его внутренней силы, подтачивает его основания. «Рыба гниет с головы». Эта максима способна объяснить, почему любая революция в сущности своей является революцией сверху.

Динамический консерватизм (термин, встречающийся у богослова В.Н. Лосского) представляет собой не пассивный модус охранительного начала, а начало самоисправления и самовыправления, «правого движения» в человеке. Рыба, будучи тяжелее воды, тем не менее, устраивается так, что может свободно господствовать над водной стихией. Птица, будучи тяжелее воздуха, продельывает то же самое в своей стихии. Динамический консерватизм в отличие от своего левого, консервативно-либерального и правого, консервативно-революционного антиподов выявляет архетип сложноорганизованной живой силы, источник ее локомоции (термин из биологии, блестяще иллюстрирующий консервативно-динамическую идею). Он преодолевает законы энтропии, превозмогает исторические тяготения, опровергает линейные схемы истории. Динамический консерватизм – это жизнь, живая организация. Что произойдет с той же птицей, если подвергнуть ее «консервативной революции»? Ее подстрелят, выпотрошат и набьют дрянью, превратив в чучело. А «либеральный консерватор»? Этот, наверное, больше оценит гастрономические качества птицы. Но ведь птица-то эта – Россия! Это мы с вами.

Еще один пример «консервативной динамики», ставший уже классическим, – евразийская концепция «место-развития», которая дает выпуклое представление о вечной и живой природе конкретной традиции. В горизонте либерал-консерваторов либо консервативных революционеров «месторазвитие» оборачивается уже чем-то иным, искажающим суть «кипящего покоя» – это будет либо «место эксперимента», «место просвещения тьмы», «торжества цивилизации над варварством», «место модернизации», либо «место встряхивания и переворачивания», «насильственного обновления», «перепаживания». Они смотрят на живое мертвыми глазами, они не видят в живом живого. Между тем, **перепаживать нужно**

не страну, не «пахарей от сохи», а застоявшийся уже много десятилетий слой привилегированных «перепаживателей» и «перестройщиков», шоковых терапевтов, перманентных хирургов и экспериментаторов по живому, «революционеров сверху», «конторских реакционеров», «штабных радикалов».

В отношении актуальных задач политического строительства динамический консерватизм содержит в себе **программу реновации государственной машины, ее ремонта**. Ремонт назрел капитальный – многие узлы и крепления насквозь проржавели и требуют замены. Тем не менее, это замена, а не подмена. Это реновация государства, а не имитация его былых, пройденных состояний. Нужно «на ходу» заменить проржавевшие винтики государственной машины, а не сломать и разобрать ее до нуля, что предлагают революционеры всех мастей, в том числе консервативные¹⁵. Нужно отправить на перековку негодные элементы, произвести масштабную ротацию элит, а не воспроизводить новый передел собственности и компетенций между одними и теми же субъектами, как призывают консервативные либералы.

4. Против пассивной «всечеловечности»

Сущность идеологии «либерального консерватизма» описывается в разных градусах и оттенках одной и той же позиции: медиума, по выражению Ремизова, между цивилизованным Западом и менее цивилизованной Россией. Если Россия при этом считается страной с собственными крайне ценными традициями и собственными цивилизационными преимуществами, которые надо уметь постигать и задействовать – то это «правый» либеральный консерватизм. Если же Россия понимается как страна в значительной степени «варварская», «отсталая», то это левый либеральный консерватизм или, точнее определяя, консервативный либерализм.

В трактовке Ю. Хабермаса современным консерватором может быть лишь тот, кто, ограничиваясь идеологическим требованием в области культурных символов, соглашается и примиряется с господством либерализма в социально-экономической сфере. Такой неоконсерватизм, если вскрыть его метафизику, следует отнести в русском контексте начала XXI века именно к консервативному либерализму, «левому» в моей классификации.

Где проходят границы между идеологиями? Является ли либеральный консерватизм объемной гранью между консервативным лагерем и «левой», отщепенческой интеллигенцией? Или он включается внутрь консерватизма? Или выталкивается из него? Исторически на эти вопросы дается неодинаковый ответ. Во всяком случае, если избежать крайних решений и признать либеральный консерватизм за границу между консерватизмом интегральным и силами «антисистемы», то получится, что правый либеральный консерватизм – это тот, который рассматривает либеральные инструменты как служебные по отношению к задачам восстановления и реновации Традиции в России. Левый либеральный консерватизм – это,

¹⁵ Доктрина «консервативной революции» является оппонирующей по отношению к модели «Великой Французской революции», однако она находится в гораздо более комплиментарных отношениях с другими европейскими «смутами», например, с Реформацией Лютера, с «нидерландской революцией», с так называемой «английской революцией» XVII века. Следует признать, что события «великого мятежа» в Англии целиком и полностью укладываются в модель именно «консервативной революции», хотя в те времена не знали не только этого термина, но даже и термин «революция» употребляли в совершенно ином значении. Английские события XVII века представляли собой путь «конституционалистской перестройки государства» через слом политической парадигмы (включая низвержение династии и даже казнь монарха). Слом объяснялся самими революционными пуританами именно с позиций консервативных, как реакцию «страны консерваторов» на деградацию королевского двора. Однако «революционно-консервативные» методы Кромвеля со товарищи не обеспечили Англии традиционалистской перспективы ее будущего, «харизматики», порвав с преданием отцов и апостолов, творили «все новое», создавали совершенно иной мир, со «своими церквями» и «своим Христом». В итоге же англо-саксонский мир сыграл первенствующую роль в формировании цивилизации Нового времени и органично вписался вместе со своим показным «консерватизмом» в новую ситуацию после Французской и Американской радикальных революций.

напротив, идеология, в которой тайно либо явно консервативные инструменты и риторические приемы рассматриваются как вуалирующие либеральную стратегию.

Семиотическая неясность либерального консерватизма порождает бесконечную подзвучиваемость и двусмысленность идеологической борьбы. Кроме того, существует и ряд идеологов и публицистов, которые, похоже, сами до конца не определились, левые они или правые либерал-консерваторы. Надо признать, что либеральный консерватизм как методология вообще предполагает балансирование на компромиссе, примирение «двух богов» социума: Бога Традиции и Бога прогресса. Для либеральных консерваторов, по мысли С.Л. Франка, единственным врагом является то, что они договорились считать радикализмом, неважно каким – левым или правым. При этом, добавлю от себя, поле радикализма можно время от времени расширять в целях благотворной и целебной «прививки от варварства», в которой так нуждаются «отсталые» общества. То, что Франк называл «радикализмом», сегодня либералы и сопутствующие им называют «фашизмом». И у либерал-консерваторов постоянно возникает соблазн выдать **все более «правое», чем представляемые им взгляды, за «фашизм».**

Однако, как известно, невозможно служить «двум богам». **Мамона либерализма и Господь Священной Традиции – это ревнивые боги, они не терпят конкурентов.** Между тем, призвание либерального консерватора как раз в том, чтобы разговаривать со всеми на их языке – с консерваторами как консерватор, с либералами как либерал. Либеральный консерватор при этом рискует «заиграть» собственную душу.

У либерал-консерваторов и идеологических консерваторов (политических традиционалистов) разные подходы к партийно-государственному устройству. Первые стремятся монополизировать «правый» полюс внутри политической коммуникации, место же левого полюса они оставляют за откровенными вестернизаторами (либо радикальными, либо либеральными, либо, может быть даже, имитирующими консервативные символы, например, «монархизм» со ставкой на сомнительные династические концепции).

Невозможно служить «двум богам». Мамона либерализма и Господь Священной Традиции – это ревнивые боги, они не терпят конкурентов. Либеральный консерватор при этом рискует «заиграть» собственную душу.

Идеологическому консерватизму ближе другой подход: левые и правые крылья внутри русской политики должны вырастать из единого тела, а не пришиваться извне. Когда в консерватизме не останется фрагментов отщепенческой «антисистемы», несомненно, в нем откроется родник внутривидового разнообразия и родятся разные партии. Однако эти партии будут не представителями конкурирующих финансово-бюрократических кланов и не враждебными группировками, а взаимодополняющими стратегиями развития государства, обеспечивающими всей политической системе эластичность. В «Русской доктрине» мы рискнули обозначить главные части политического спектра будущей России как партии «державников» и «народников», что вызвало немало критических отзывов. Однако, тема «народнического» крыла внутри консервативного лагеря не становится менее актуальной.

Дилемма Владимира Соловьева о России как «Востоке Ксеркса» или «Востоке Христа» таит в себе загадку русской «всечеловечности», разгадать которую – как раз задача русского консерватизма. Соловьев в своем стихотворении невольно слукавил – он предложил выбрать между некритическим восприятием двух вещей: деспотизма и «христианского просвещения». Некритически принятый «европейский образ Христа», «соловьевского Христа» может обернуться чем-то даже еще худшим, чем некритическое принятие персидского деспотизма. Он может толкнуть Россию в объятия бесхребетного постхристианского челове-

ства с его извращенными стандартами толерантности – использовать Россию во имя «обманного, фанерного Христа» против ислама, «персов», юга, востока, кого-то еще.

Своя правда может быть выражена только как активная человечность, из которой уже может распускаться и цветок **всечеловечности, не отражательной, а наступательной**. Мне представляется, что «консервативно-революционные» и «либерально-консервативные» доктрины не вписываются в будущую платформу верной себе, динамично стабильной России. Консервативный либерализм представляет собой не что иное, как ту самую «стагнацию коллапса», которую мы пережили в России на рубеже столетий. Консервативная революция в современных условиях может легко обернуться «оранжевой», поскольку она воспроизводит все те же «протестантские», «миллениаристские», «харизматические» архетипы. От «консервативной революции» за версту пахнет истерикой.

Обе эти идеологии представляют различные ипостаси пассивной «всечеловечности» России, отзываются иноземным правдам, забывая о правде внутренней. Нужно озаботиться не тем, чтобы вводить в России законы и порядки по лекалам других цивилизаций, а тем, чтобы выстроить свой материковый мир, избирательно и изобретательно опираясь на ближних и дальних партнеров и вводя разумные и обоснованные карантинные меры против болезней нашего века. Например, против европейской «гуманитарной» мягкотелости, против дубовой американской политкорректности и склонности к двойным стандартам, против китайского гипертрофированного патернализма (который им, возможно, на пользу, но русских способен настроить лишь на новую смуту), против ближневосточного буйства мусульман (которое недопустимо у русских мусульман, у граждан России, где времена «буйства» и примирения горячих полюсов уже исторически пройдены и изжиты), против африканского «пофигизма», который способен поощрить в русских их собственные деградирующие комплексы. Всю эту «пассивную всечеловечность» в России нужно распознать и отвергнуть. Оттенки же мирового разнообразия культур предстоит переработать в яркую и полную палитру ценностей, внятных для других историко-культурных миров.

Настало время построить в отдельно взятой России – не социализм, не коммунизм, не рыночный капитализм – а консерватизм.

На первый взгляд, звучит это забавно. Однако здесь-то и заключена так трудно усваиваемая истина. **Вместо той или иной разновидности «рая на земле» мы призываем строить самих себя, реальную Россию, земную Россию, которая при этом не забывала бы и о небесном.**

Это и будет настоящая русская традиция, настоящий консерватизм.

Аристократическое начало как принцип¹⁶

Вопрос о соотношении интересов государства и элиты нужно различать по отношению к исторической России (в веках) и современному положению нашего народа. Увы, сегодня мы лишены аристократического начала, оно было истреблено в начале XX века, его так и не удалось воссоздать через партийный механизм в советский период. И в новую эпоху мы вошли как будто с желанием навсегда избавиться даже от мысли о возможности подлинной элиты. Нас как будто хотят приучить к тому, что кроме псевдоэлиты больше ничего не может быть. Что политика грязное дело по природе своей, а серость и скука в среде политиков, депутатов и лиц, «назначенных» в 90-е годы миллионерами и миллиардерами – это норма. В последнее десятилетие в этом негласном споре, который ведется в области бессознательных предпочтений наших сограждан, добавился еще один аргумент в пользу безликих, не проявляющих инициативы элитариев – они способствуют «стабильности».

То, о чем предпочитают молчать практически все наши аналитики, о чем не принято говорить вслух, это то, что в современной России происходит колоссальный исторический сдвиг – происходит попытка формирования новой крупной буржуазии, нового класса реальных хозяев, которому служит государство. И нерешенным остается вопрос о соотношении прав и интересов этого нового класса с правами и интересами гораздо более могущественного международного капитала. Моя интерпретация этого процесса далеко не марксистская. Дело не в классовой борьбе, а в том, насколько жизнеспособна эта наша новейшая элита, насколько чутка она к реальным запросам страны и к реальным угрозам и вызовам XXI века. Не является ли наш правящий класс суррогатом элиты, который уклоняется от исполнения своих прямых обязанностей и долга перед страной?

В истории России интересы государства и интересы элит (то есть избранных слоев, социальных сил, ведущих нацию), конечно же, сопоставимы. Иначе исторической России просто не было бы. Они сопоставляются как подчиненная часть и подчиняющее целое. Олицетворением и волевым проводником этого подчинения в России традиционно выступает верховная власть, которая понуждает элиты служить целому, следовать воле «общего блага», понимаемого в разные эпохи неодинаково. Победы России и ее величие всегда строились не только на сверхусилиях простонародья, но и на самоотверженности аристократов.

Но в современной России мы наблюдаем грандиозную попытку эмансипации элит. Что это означает? Демократизацию? Либерализацию? Приватизацию государственных функций? Приближение к идеалам позднего Просвещения с избавлением от деспотизма авторитарной власти? Нет. Все это внешние покровы происходящего, по сути иллюзорные. Попытка эмансипации постсоветских элит означает явление, которое нередко происходит в разных государствах и цивилизациях в ходе кризиса идентичности: это попытка встроиться в международный «высший класс», престижный не с национально-культурной, а с глобальной точки зрения. Наши верхи не только не имеют собственной программы развития, но они воинственно настроены против самой идеи такой программы. Они нацелены на следование чужой программе и стоят на этом.

Но за отказ от автохтонности, переход на точку зрения глобальности нужно платить. И наши элиты платят. Первородство элиты, носительницы цивилизационного суверенитета, собственной историко-культурной субъектности и собственной миссии, продается за «чечевичную похлебку» дружеских посиделок в высшем обществе, поездок в Баден-Баден, признании со стороны «сильных мира сего». Но самое главное – это иллюзорное чувство спокойствия, «нормальности», комфорта, попытка самовнушения, что все идет по плану.

¹⁶ Опубликовано на сайте Фонда Питирима Сорокина в 2008 году.

В чем отличие путинской элиты от ельцинской? В том, что при Путине «первородство» стали оценивать выше, приблизив его к «рыночному» уровню. Это повышение самооценки пропорционально повышению оценки стоимости активов российской экономики. Но суть дела заключается в том, что у «первородства» вообще нет стоимости. Это бесценная вещь. Ее можно оплатить лишь кровью и жертвой.

Сегодня, когда заговорили об инновационном росте России, возможность формирования новой элиты вырисовывается, как минимум, в одном направлении: это должны быть интеллектуалы высокой пробы, изобретатели, творцы, первооткрыватели. А также те, кто способен организовать инновации, внедрить изобретения в практику, преодолеть сопротивление косных слоев, которые не заинтересованы в реальном развитии, а хотят лишь сохранения гнилого «статус-кво». Очевидно, что движение вперед, да и просто выживание России невозможно без глубокой и всесторонней ротации правящих элит.

Охлократическая нелюбовь к аристократии – слепое чувство, принадлежность мироощущения людей с уязвленным самолюбием, внутренней ущербностью. Человек с чувством собственного достоинства сумеет оценить и достоинство других людей, сможет признать над собой и высшее начало, более благородное, более компетентное, более нравственно зрелое и т. д. Потому псевдоэлита и стремится так упорно вступить в «международный кооператив», что она, не будучи способна подтвердить свое превосходство реальными человеческими качествами, ищет внешнего подтверждения своего статуса.

Не имея аристократического начала в государстве, мы как нация будем вынуждены служить чужой аристократии, чужой элите, избранным других народов и цивилизаций.

Ценностные ориентиры динамического консерватизма¹⁷

Выступление на круглом столе «Факторы стабильности и кризиса в современном российском обществе» в Фонде имени Питирима Сорокина.

Вопрос о стабильности и кризисе в современном обществе, если его поднимать с точки зрения предложенного Сергеем Георгиевичем Кара-Мурзой диалога о ценностях, может быть рассмотрен через некие пределы – предельные схемы, предельные основания. Мы описали эти пределы в концепции ценностей и антиценностей, представленной в доктрине «Молодое поколение России» (Доктрина была разработана нашим коллективом, нашим Фондом и его экспертами к XII Всемирному Русскому Народному Собору). Сергей Георгиевич призвал нас начать диалог о ценностях. Но ведь диалог этот придется нам вести между собой, его не с кем больше вести, как только внутри интеллектуального сообщества. И я не просто призываю его начать, но своим выступлением начинаю его здесь и сейчас.

Посмотрите на предлагаемые мной схемы¹⁸. Первая схема – это схема традиционных ценностей, которая существовала до революции 17-го года и которая, претерпев некоторые изменения, особенно на своих верхних этажах в советский период, тем не менее, сохранялась, будучи замененной на некоторые суррогаты. Так, «Истина, Красота, Любовь» стали суррогатом Бога, а «Россию как суверенную державу» заменили на некое «светлое будущее для всего человечества», в котором советскому блоку было уготовано первое место – место лидера и глашатая этого «светлого будущего». В основном же советская система ценностей, действительно, была очень похожа на дореволюционную. И то, что произошло в постсоветской России, можно назвать решительным переворачиванием воронки, «переворачиванием стакана», когда в течение 10 лет и на уровне массовой культуры, и на уровне массовой информации буквально произошло раздвоение того «я», того несущего стержня, который был основой наших ценностей в течение целой тысячи лет.

¹⁷ Опубликовано на сайте Фонда Питирима Сорокина в 2008 году.

¹⁸ Иллюстрации взяты из первого издания нашей молодежной доктрины – дизайн схем И.В. Тырданова.

Рис. 1. Типовая схема ценностных приоритетов.

Рис. 2. Схема социальной аномии – в обществе обесцененных ценностей (раздвоение «Я»)

Это раздвоение «я», как это ни покажется парадоксальным, имеет своим фундаментом христианскую культуру, потому что именно христианство дало такой высокий, благородный посыл как восприятие человека в качестве образа Божия, фактически в качестве аналога Божества. Из этого высокого посыла могли последовать и последовали разные последствия. Одним из этих последствий стал европейский гуманизм, который фактически является антропотеизмом, или, переводя на русский язык, «человекобожием». Это такое мироощущение, когда утверждается, что Бога как такового нет, а весь тот высокий пафос, который вкладывался в это понятие, вся молитвенная и литургическая энергия, которая проецировалась на Творца, заключается в самом человеке. Огромная энергия христианства в этом мироощущении высвобождается и направляется на самоутверждение человека и человеческой цивилизации.

Этот антропотеизм приводит к раздвоению ценностей, когда на место Бога человек ставит свое собственное «я». Но, поскольку это не соответствует действительности, он попадает в иллюзорный мир и начинает жить в этом иллюзорном мире, а все его ценности начинают служить фетишу собственного «эго». При этом человек испытывает фантомные боли в связи с тем, что покинутое и незаполненное в его внутреннем мире место Бога, тем не менее, взывает к нему, взывает к его бессознательному, и человек, несмотря на кажущееся стремление к комфорту, а иногда даже возможность достичь этого комфорта, глубоко страдает. Вот, собственно, суть представленного на иллюстрации подхода, описывающего две крайности – две модели ценностей, которые на сегодняшний день противоборствуют в России.

Однако добавлю небольшую ноту оптимизма. Социологические исследования, на которые мы опирались при написании Доктрины, все-таки показывают, что переход к модели антиценностей, к модели «аномии» в России так и не состоялся. Этот процесс был запущен, достиг некоторых результатов, но не победил. И на сегодняшний день нельзя с уверенностью сказать, имеет ли он шансы на победу. Фактически мы сейчас замерли в точке неустойчивого равновесия. Можем двинуться назад, опять опрокинуться в данном отношении в 90-е годы, а можем двинуться и вперед. И я полагаю, что в наибольшей степени это зависит от самого общества.

Сегодня ставился вопрос о том, как должен себя позиционировать патриот России, человек, который считает себя русским, по отношению к государству, к цивилизации, к историческим ценностям. Как мне кажется, ответ достаточно прост: все зависит от того, кем этот субъект сам себя осознает, что он оставляет в своей ценностной модели, а что опускает. Или он усекает в себе уровень высших ценностей – ценности Бога, ценности России в том ее старом понимании, куда включаются полиэтническая нация, собор традиционных вер, держава как мир миров, а не как национальное государство по-европейски, – или все это он оставляет в качестве важнейших элементов своего внутреннего стержня. Если он осуществляет подобную редукцию, равняется на опыт Великой Французской революции, Великой Английской революции, Великой Американской революции и хочет построить аналогичский мир у себя, то тогда, наиболее вероятно, мы окажемся во второй модели ценностей (см. илл.) и под видом «национального государства» фактически получим в стране базовую модель антиценностей. Тогда в России сложатся условия для формирования такого поколения, такой «новой расы», глядя на которую в старости, все здесь присутствующие поймут, что они оказались среди инопланетян.

И теперь обращаюсь к тому, является ли ценностью стабильность. Константин Крылов избавил меня от необходимости пространно развивать эту тему. Если мы посмотрим на это через призму приведенных двух моделей, то увидим, что стабильность нейтральна в ценностном плане, а потому не является противоположностью кризиса. Стабильность вполне может быть кризисом, то есть стагнацией, прикрытием и имитацией социальной гармонии, таить в себе не изживание, а усугубление кризиса. Аналогия стабильности с трупом, которую привел Крылов – крайняя. Я бы привел другую аналогию.

Дело в том, что концепция устойчивого развития, которая у нас в том или ином виде восторжествовала в перестройку, это достаточно лукавая идеология, в которой перевернуты ядро и периферия. Ведь самое ценное, что есть в нашей жизни, – это душа, человек, живое существо. Его нельзя описать в терминах устойчивого развития, потому что устойчивое развитие – это некий постоянный и неопределенный по своей направленности процесс, который происходит с этим живым существом. На то, куда идет этот процесс, в формуле устойчивого развития нет указаний. Когда мы говорим о современной России в парадигме устойчивого развития, было бы уместно применить аналогию не с трупом, а с умирающим. Умирающее живое существо – вот что значит устойчивое развитие не в абстрактной, а в конкретно-исторической плоскости.

Гораздо более логично было бы сформулировать высшую ценность становления цивилизации как «развивающееся постоянство». Как поет современный поэт: *«Я различил в движении постоянство...»*

Многие, кто меня знает, уже догадываются, к чему я клоню. Да, речь идет о формуле «динамического консерватизма», о которой пишу уже много лет. Но, действительно, здесь разница кардинальная. Несмотря на то, что, казалось бы, мы имеем дело с имитацией одного и того же принципа, фактически в случае с доминирующей ныне моделью «устойчивого развития» современной цивилизации речь идет о подмене принципов. Традиционная модель ценностей, вверху которой находится Бог, а стержнем которой является – хочу подчеркнуть! – не просто человек, а человек свободный, свобода, самостояние, реализованное на всех уровнях этой модели, несомненно, отражает формулу динамического консерватизма. Это развивающееся постоянство, когда личность сохраняет саму себя и в то же время способна к развитию, способна к совершенствованию. А устойчивое развитие – это модель перевернутой воронки, где человек сам не владеет результатом своего развития и становится заложником этого развития.

Поэтому на формулу «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца» я, как носитель традиционной субъектности ответил бы высказыванием из одного популярного в народе советского фильма. На вопрос: «Ну, что, тебя сразу кончить или желаешь помучиться?» – известный киногерой ответил: «Лучше, конечно, помучиться!»

Спасибо.

Сокрытая харизма¹⁹

Чему противостоит и к чему призывает подлинный консерватизм в современном мире

Россию нужно ввести в круг цивилизованных стран, – так долгое время заявляли либералы. Однако Россия не может быть «цивилизованной страной» в их понимании. При этом она может оставаться чем-то большим – эпицентром собственной цивилизации, имеющей глобальный потенциал. В этом первая и главная аксиома русского консерватизма.

От размытого термина к смысловой подлинности

Термин «консерватизм» уже несколько лет внедряется в официальной политической практике (первые попытки такого внедрения осуществлялись еще в конце 90-х годов в партии «Единство»). Несколько лет назад правящая партия «Единая Россия» объявила «российский консерватизм», как они его определили, своей официальной идеологией. Знакомство с партийными документами наводит на мысль, что этот официальный консерватизм все еще в становлении, это еще не вполне сложившаяся идеологическая модель.

Гораздо успешнее в этом отношении идет мировоззренческий поиск у Президента Путина, который, начиная с предвыборных статей 2012 года, через целый ряд своих выступлений и высказываний, вплоть до концентрированной идеологической вспышки на Валдайском форуме 2013 года, проделывает на наших глазах быструю эволюцию от духа либерализма к духу классического консерватизма. За несколько лет пройден путь, пожалуй, даже больший, чем за предыдущие 11 лет нахождения у власти.

Вместе с тем само слово «консерватизм», по сравнению с тем, что было, скажем, в XIX веке, превратилось в чрезвычайно размытое понятие. В нынешней ситуации, когда исторически накоплено множество разных толкований этого термина, когда за спиной у нас десятки пережитых и изжитых разновидностей политического консерватизма, употребление этого слова в голом виде фактически делает его непонятным. Есть, конечно, обиходное, бытовое восприятие термина: склонность и приверженность старому, желание сохранить существующий порядок вещей, неготовность воспринимать новые веяния, строгость в нравах и вкусах. Но всем понятно, что не об этом бытовом консерватизме идет сегодня речь, а вот о чем идет речь – понятно далеко не всем. Термин «консерватизм» в значительной степени обезличен, и употреблять его безо всяких эпитетов, – это примерно то же самое, что, например, мычать, говорить нечто нечленораздельное.

На мой взгляд, решение заключается не в том, чтобы отказываться от термина «консерватизм», а в том, чтобы сообщать ему правильные определения, – это, может быть, к примеру, просвещенный консерватизм, социальный консерватизм, технократический консерватизм, национальный консерватизм, наконец, русский (российский) консерватизм, что также делает его достаточно определенным, указывая на цивилизационно-культурный «якорь спасения». Опасность здесь в том, что прилагательное может оказаться лишь неким благопожеланием, и не иметь прямого отношения к сути дела.

С размытостью самого термина связана и несомненная размытость сопряженных с ним представлений. Так, если взять Центр социально-консервативной политики, клуб, который продвинулся в осмыслении сущности консерватизма дальше других официальных площадок, и вообще делает немало полезного для становления новейшей идеологии страны, то и

¹⁹ Впервые напечатано в альманахе «Однако», 2014, № 3 (апрель-май).

в его документах иногда отражается эта смятенность умов. К примеру, уже в самых первых определениях теории ЦСКП допускают такие формулировки: «Главной ценностью консерватизма является человеческая личность, ее достоинство, свобода» («Российский консерватизм в вопросах и ответах». ЦСКП, 2010. С. 3). Подобные формулировки делают консерватизм мало отличимым от других идеологий и производят впечатление попытки собрать отовсюду «хорошее», вернее все, что считается «хорошим» и «приличным» в современном обществе, вместо того чтобы проявить настоящую идеологическую принципиальность и своего рода мужество.

Для теоретиков консерватизма должно быть очевидно, что ценность «достоинства человека» представляет собой остаточное явление после демонтажа традиционных нравственных систем и упразднения понятия «честь». «Достоинство» есть некое свойство индивидуума буржуазной эпохи, которым его наградили, не спросив, нужно ли ему это и соответствует ли он этому. Индивидуум как пассивный объект, наделенный на первый взгляд льстивым обозначением, а при более глубоком рассмотрении – осчастливленный некоей пародией на древнюю аристократическую «честь», вот что такое современная персона с ее врожденным «достоинством», «чувством собственного достоинства». Это означает, в частности, что она покупает предлагаемое в рекламных роликах, которые гласят, что она «этого достойна». Точно такое же пассивное право индивидуума на официозную и политкорректную фальшь касается и врожденной «свободы личности», как и врожденных «прав человека», которые превратились из юридической гипотезы в орудие тотальной стандартизации человечества. Весь вопрос в том, какова цена, которую платит человек за эти «данайские дары» глобальной цивилизации.

Врожденные права человека, свободы личности и чувство собственного достоинства превратились в орудия тотальной стандартизации человечества. И весь вопрос в том, какова цена, которую платит человек за эти «данайские дары» глобальной цивилизации.

Как же произошла эта девальвация слов и ценностей и почему она произошла? На этот вопрос невозможно дать отчетливый ответ в рамках одной статьи.

Однако можно указать на достаточно объективные оценки историков языка, которые увидели, что в XVIII веке в Западной Европе наступило «перевальное время», «пороговое время» (Sattelzeitl), – период, когда происходила мутация и сдвигка ключевых понятий, модернизация понятийных систем (об этом писали в разное время Отто Бруннер, Райнхарт Козеллек и мн. др.). Сам по себе сдвиг ценностной парадигмы начался раньше, однако Реформация, будучи по существу грандиозной духовной революцией, пришла в Европу в овечьей шкуре консерватизма, это была её хитрость. То же самое можно сказать и о «славной революции» в Англии. А вот уже радикальные революции XVIII века были заряжены взрывной энергией заклинателей будущего – просветителей, энциклопедистов, и, говоря откровенно, иллюминатов, то есть представителей тайных организаций Европы, осуществивших настоящий заговор против традиции. По определению Козеллека, эта эпоха и среда стала «рассадником современного мира».

Приведу ряд примеров. До XVIII века под термином «общество» в основных европейских языках преимущественно понимается «хорошее общество», то есть светское общество, а также партнерство, компания (это могло быть общество пиратов или общество торговцев и т. п.). Именно в XVIII веке возникает проект, требующий каким-то образом назвать общенациональную общность, общенациональную группу, нацию как союз индивидов, – тогда использовали данное слово. Понятие «либеральность» означало принадлежность к числу свободных людей, щедрых, просвещенных и т. д., а после XVIII века она уже была связана, так или иначе, с атомизацией, с тем, что человек обществу мог быть противоп-

ставлен. Понятие «свободы» было связано со статусом дворян, духовенства, других сословий, пользовавшихся привилегиями, особыми льготами, возможностями и т. д. Начиная с XVIII века понятие «свобода» переходит, в определенном смысле, в свою противоположность, то есть перестает быть сословным, перестает быть привязанным к конкретной группе людей, и превращается из обозначения привилегии в обозначение уничтожения привилегий, равенства в отсутствии особых прав. (Любопытно, что эта ситуация повторилась в СССР в 80-е годы, когда радикалы перестройки делали себя имя на критике привилегий номенклатуры, одновременно с этим они же обличали и «уравниловку» – в итоге, их революция привела к тому, что на место мизерного советского неравенства пришло гигантское неравенство криминально-олигархической эпохи). Слово «история» означало собрание нравоучительных сюжетов, душеполезных stories – после «переломного времени» она уже понимается как становление всего сущего (то есть включает в себе неявным образом концепт эволюции, прогресса и т. п.). Произошел перелом и с таким важным понятием как «революция», которое, согласно латинской этимологии, означало «возвращение на круги своя», а вовсе не качественный скачок в развитии.

Что скрыто за лозунгами свободы, демократии, прав человека

Для консерватора высокие ценности не могут даваться даром, но являются результатом значимости личности, это относится и к «свободе», «заслугам» (то есть особым правам), не говоря уже о «чести». Подлинный консерватор исходит из того, что такие высокие идеалы не могут раздаваться как рекламные буклеты или нашлапки – например, статус «свободы» подразумевает, что человек ему соответствует, что «свободе», то есть суверенитету личности есть, на что в нем опереться.

В противном случае, если консерватор заигрывает с демократическим толкованием прав и свобод, он отказывается от своей сути – это уже не подлинный консерватор. **Полноценная свобода связана с творчеством**, и поэтому она по определению аристократична. Безусловно, это не обязательно классовый характер статуса «свободы». Но к творческой свободе призваны не все и, даже более того, не большинство людей. Аристократизм творчества заключается не в фиксации высшего избранного слоя, а в констатации того, что избранные люди есть повсюду, разбросаны среди всех классов и слоев общества. Таким образом, смыслом освобождения от кастовых или феодальных рамок для консерватора является не тотальная эмансипация, а бросание зерен свободы на всю почву, дабы проросли они в сердцах избранных. Поэтому позитивный смысл освобождения личности заключается вовсе не в **общедоступности социальной свободы, а в провоцировании творческого бума**, пробуждении активных созидательных и исцеляющих сил в народе. Всякое другое освобождение дает лишь пародию на свободу-суверенность, узаконивает разнузданность и серость, безличие и посредственность. Такая свобода попросту бессодержательна.

В корне этого ложного освобождения лежит фундаментальная антропологическая ошибка – неверное представление о природе человека. Эмансипированный индивид, совлекший с себя все обязательства перед народом, семьей, историей и социальным окружением, – это не свободный, а опустошенный человек. Он выкинул не внешние вериги, а части собственного внутреннего мира, исказил целостную картину мира, вырезав из нее значимые фрагменты. Свобода частной жизни не оберегает человеческую личность от подавляющего влияния посторонней воли. Сегодня, в эпоху новейших твиттерных революций, этот фокус со «свободой личности» саморазоблачен и становится понятным уже не только завзятому консерватору, но и любому добросовестному наблюдателю.

Первым актом драмы дурного освобождения является монетизация высоких ценностей человеческой личности, когда значение личности определяется не заслугами, не твор-

ческим статусом, а количеством денег и имущества. В этой форме воплощается статус **освобождения среднего от опеки высшего**, развод с иерархией. Александр Герцен, уехавший в Европу и наблюдавший там революцию 1848 года, был потрясен и разочарован результатами этой буржуазной эмансипации. Он разглядел ее плоды не только в падении нравов и вкусов, но даже и в банальном падении качества товаров на рынке, о чем позже написал в одном из своих очерков: *«Отчего у вас так плохи сигары?»*, – спросил я одного из первых лондонских торговцев. – *«Трудно доставать, да и хлопотать не стоит, знатоков мало, а богатых знатоков еще меньше.»* – *«Как не стоит? Вы берете 8 пенсов за сигару.»* – *«Это у нас почти никакого расчета не делает. Ну, вы и еще десять человек будут покупать у меня, много ли барыша? Я в день сигар по 2 и по 3 пенса больше продам, чем тех в год. Я их совсем не буду выписывать.»* *«Вот человек, постигнувший дух современности,* – заключает Герцен. – *Вся торговля, особенно английская, основана теперь на количестве и дешевизне. (...) Все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни личного вкуса. Возле, за углом, везде дожидается стотысячеголовая гидра, готовая без разбора все слушать, все смотреть, всячески одеться, всем наестся».*

Таким образом, уже за ценностью свободы маячит следующая ступень «прогресса»: **равенство и демократичность** как усредненность, готовность и желание быть «как все» и уравнивать всех до средне-нижнего уровня. Если на первой ступени понижительной трансформации мир денег и количества просто игнорировал «высшее», то на второй ступени начинается диктат «среднего человека». Об этом в середине XX века остроумно напишет Клайв Степл Льюис. В его рассказе «Баламут предлагает тост» заслуженный черт рассуждает следующим образом: *«На равенство ссылаются только те, кто чувствуют, что они хуже. Фраза эта именно и означает, что человек мучительно, нестерпимо ощущает свою неполноценность, но ее не признает. (...) Что ж он, мерзавец, не такой, как я? Не-де-мо-кра-тич-но! (...) Нынешняя ситуация хороша тем, что вы можете это освятить – сделать личным, даже похвальным – при помощи вышеупомянутого заклинания. (...) Неровен час, станешь личностью. Какой ужас! Прекрасно выразила это одна молодая особа, взывавшая недавно к Врагу: „Помоги мне стать нормальной и современной!“ Нашими стараниями это значит: „Помоги мне стать потаскухой, потребительницей и душой!“»* Наконец, на третьей ступени деградации современного мира к диктатуре над обществом приходит уже не воинствующие «освободители» или «уравнители», а те силы, которые хотят узаконить нижние, разрушительные, инфернальные стихии в человеке. Этим занимается международное лобби **«прав человека»**, которое начинало с защиты фундаментальных прав, но сегодня скатывается уже к тому, чтобы заставить обычного человека принять и признать все аномальное как равное себе и достойное уважения. По выражению Режи Дебре, «права человека – последняя по времени из гражданских религий мира, душа бездушного мира».

Дошло до того, что жрецы этой новой религии в каждом ищут (хотя и не в каждом находят) свое «извращение», свою «трещину», какую-нибудь особенную тоскливую страстишку, эксклюзивную патологию. На поверку оказывается, что любой вид дегенерации встречается не в единственном числе, а значит, рождается новое меньшинство, и у этого меньшинства автоматически рождаются его «права».

Для современной демократии поиск и культивирование извращенных меньшинств – это своего рода сладострастие. Не могут представители крупного капитала или политической группы одновременно и одинаково любить всех пациентов психиатрической клиники или сексопатолога – но их будоражит и увлекает сам процесс неуклонного скольжения все ниже и ниже, в пучину инфернального и подчеловеческого.

По точному выражению современного французского мыслителя Алена де Бенуа, сегодня образ обладателя прав заменяется образом потребителя прав – права человека про-

шли через гиперинфляцию и сводятся уже к каталогу желаний данного индивида. На уровне государств защита прав человека используется в последнее время как уловка, с ее помощью осуществляются «гуманитарные интервенции», и можно безнаказанно нарушать принцип невмешательства во внутренние дела других стран.

Для консерватора ценности человеческих прав, свободы и чести человеческой личности не пустые слова. «Права» связаны с «правдой», «справедливостью», а вне этой связи являются обманом. Справедливость – не столько равенство возможностей, сколько воздаяние по заслугам, в том числе и наказание по вине. «Свобода» для консерватора коренится в примате Своего над Иным. Свобода – возможность действовать, поступать и развиваться по-своему (самостоятельно). Свобода – это «самостоянье человека» (пушкинское определение, специально им изобретенное для поэтического обнаружения сущности консерватизма). Консерватизм не предполагает замыкания в Своем вопреки Иному, но он предполагает твердую систему координат, в которой освоение чужого, иного происходит через Свое, в структурах и формах Своего, по законам и принципам Своего. Не так давно Президент Путин блестяще выразил это чувство системы координат по отношению к России и миру: *«Не Россия находится между Западом и Востоком. Это Запад и Восток находятся слева и справа от России»*. В данной формуле заключено единство и национального, и личного, целостной свободы-суверенности.

В современной евро-атлантической цивилизации свобода, демократичность и права человека представляют собой риторический фасад, за которым скрываются такие подмены как **глобализация культур, общество анонии**, где девальвированы все традиционные ценности и, наконец, **общество потребления** с его псевдоинновационным зудом. Глобализация выступает как сатанинская пародия на «вселенский», универсальный характер религиозной традиции. Общество анонии пародирует и выворачивает наизнанку «соборность», когда все видимости солидарности, связности между людьми превращаются в инструменты для эгоистических целей. Общество потребления предлагает целый спектр каверзных подмен: креативность вместо творчества, дурную бесконечность серий, марок, брендов, виртуальных денег, имиджей вместо глубоких культурных символов, поверхность обобщенной и общедоступной массовой культуры вместо внутреннего духовного единства, иллюзию полноты и богатства жизни как некий «мыльный пузырь», пустой внутри. Происходит подмена идеи развития и идеи бесконечности мирового смысла идеей повтора эквивалентов, умножения множеств через отпочковывание все новых и новых серий одного и того же рода вещей.

Сегодня в России актуален вопрос об отличии креативности от подлинного творчества, а так называемого класса «креаклов» от творцов в традиционном понимании слова. Об этом много спорят. На мой взгляд, сущность «креативного» типа активности хорошо выявил, сам того не желая, гуру либеральной гуманитаристики Александр Ахиезер в одной из своих последних книг: он описал ценность «полноты жизни» как увлекательную перспективу удовлетворения все новых и новых потребностей. В отличие от формулы счастья Аристотеля в «Никомаховой этике» («полнота жизни и полнота добродетели»), в отличие от личностной «полноты жизни» у Дильтея и других философов вплоть до Мамардашвили (полноты жизни как мудрости), Ахиезер характеризует современную «полноту» как «поиск комфортной жизни», «подхватывание» всевозможных мод, включая «новый наркотик, новую песню, нового харизматического вождя» и как восхождение от «потребности в колбасе» к потребности «создать новый уникальный сорт колбасы» (не самый эстетичный, но яркий образ культа инновации).

Вместо человека-пирамиды, человека как воплощения иерархии ценностей, человека как «института в единственном числе» (формула Арнольда Гелена) современный мир навязывает модель человека-воронки, всасывающего продукты и средства удовлетворения потребностей, в том числе искусственных (то есть искусственно конструируемых социаль-

ными инженерами в коммерческих и политико-манипулятивных целях). Различие между новизной творческой, созидательной, открывающей перспективы для развития всех и новизной пустой, декадентской и разрушительной принципиально ретушируется.

Три главных аксиомы консерватизма

Вопреки расхожим заявлениям о том, что настоящего консерватизма в современной России быть не может, потому что старые ценности были исторически отвергнуты и **в общем-то уже нечего сохранять** – русский консерватизм имеет глубочайшие основания и корни. Для начала нужно констатировать несколько аксиом подлинного консерватизма.

1. Если данный народ представляют собой носителя самостоятельной цивилизации (а это касается не каждого народа), то, безусловно, консерватизм такого народа стоит на позициях сохранения и развития духовной суверенности той цивилизации, к которой он относится. Русский народ и те народы, которые сплотились вокруг него, являются носителями такой самостоятельной цивилизации.

Россия не может быть «цивилизованной страной» в понимании либералов. При этом она может оставаться чем-то большим – эпицентром собственной цивилизации, имеющей глобальный потенциал. **В этом первая и главная аксиома русского консерватизма.**

Сегодня эти слова – о России как государстве-цивилизации – мы слышим уже, наконец-то, из уст первого лица государства, чего не было еще несколько лет назад, и это серьезный идеологический шаг. Однако, данная истина пока никак не зафиксирована в конституционных документах, законах или хотя бы государственных концепциях.

Проблему и актуальность духовной суверенности легче всего понять в контексте борьбы цивилизаций, борьбы между разными культурными моделями или борьбы между «богами», как говорил Федор Михайлович Достоевский устами Шатова: *«Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог. Никогда еще не было народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать».*

2. Народы различаются не только по тому, какого они масштаба, сумели ли они построить собственную цивилизацию в истории, но и степенью зрелости, глубины собственной культуры. Есть народы, у которых культура древняя, есть народы, – у которых более молодая. Безусловно, в России, мы имеем дело с очень древней, богатой, многослойной культурой. Но все ее высокие достижения в технике, в искусстве, в науке зиждутся на том фундаменте, который связан с уровнем культуры обычного человека. Так, если мы возьмем русского крестьянина XVIII–XIX веков – люди жили довольно бедно, но уровень их культуры был очень высок, – такой вывод можно сделать на основе сравнительно-исторического и культурологического анализа.

Когда нам говорят о каких-то глобальных стандартах и нормах, о необходимости взаимопроникновения ценностей разных культур, важно понимать, что мы сможем добиваться успехов в своем историческом развитии только опираясь на эту самую внутреннюю культуру. Если же мы будем игнорировать внутреннюю культуру русского человека и пытаться просто пересадить иноземные достижения и ценности, мы тем самым будем корежить и ломать антропологическую подоснову России как она есть. Суть подлинного консерватизма, на мой взгляд, – это умение видеть эту подоснову наших людей, обычного человека, обычного гражданина России, его духовную, ценностную, культурную природу в ее специфике. Предлагать развитие и совершенствование можно, лишь опираясь на нее, а ни в коем слу-

чае не вопреки ей. В этом связь между высшей точкой национальной вертикали («Русским Богом») и его основанием («русским человеком»). «Богоносцем» русский народ является именно в этом смысле – он несет своего Бога до тех пор, пока хранит верность самому себе, пусть изменяется, но при этом не изменяет своей сущности.

3. С предыдущей аксиомой тесно связана третья аксиома: в XXI веке консерватизм становится не сдерживающей силой на пути технологического развития и инноваций, но, напротив, единственным их глашатаем. Ведь через глобализацию, информационное взаимопроникновение, сплочение номадического «класса поверх классов» происходит выработка состояния, в котором подлинные инновации становятся вредными и опасными для этой системы. Антитрадиционный тип цивилизации, который как кислота стремится разжесть все культуры и исторические общности и породить новое «вавилонское смешение», имеет своим идеалом конец истории и застой, где в роли прогресса и развития будет выступать смена мод, привычек и престижных потребительских моделей. Выродившиеся либеральная и левая идеологии все больше становятся тормозом развития, которое де факто с 80-х годов XX века уже остановилось и, если где-то в чем-то происходит, то скорее по инерции старого проекта развития.

Именно консерватизм способен сегодня предложить продолжение настоящего социального и технологического развития, а не его имитацию. Но консерватизм увязывает развитие с преодолением социальной апатии, цинизма и паразитизма, с деструкцией общества аномии, с отторжением беспочвенности, космополитизма, хотя бы последний и являлся в романтическом ореоле «любви ко всему человечеству», с пресечением половой распущенности, деградации нравов и нового варварства, с отрицанием идей толерантности, которой консерватизм противопоставляет повышенную сопротивляемость и устойчивость в базисных ценностях. Консерватизму не по пути с обществом потребления, с его декадентством и расслабленной зависимостью от комфорта, с культом «вечной молодости», с хищным инфантилизмом, с отсроченным взрослением и враждебностью современного человека к семье и деторождению, со страхом перед старостью, смертью и страданием. Для того чтобы развитие было полноценным и гармоничным, консерваторы должны пресечь лицемерие двойных стандартов, за которым скрывается недобросовестная конкуренция со стороны более богатых и социально преуспевших, в том числе и со стороны государств и корпораций, обладающих преимуществами в нынешней системе международных отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.